

Слепой. Выстрелы в темноте

Автор:

Андрей Воронин

Слепой. Выстрелы в темноте

Андрей Николаевич Воронин

Слепой #30

В заложниках у бандитов оказывается семья олигарха, сумма выкупа – огромная. Но есть кто-то более могущественный, выжидающий передачи денег, ведущий двойную игру. Вычислить его предстоит Глебу Сиверу – суперагенту ФСБ по кличке Слепой.

Андрей Воронин

Слепой. Выстрелы в темноте

© Составление. Оформление ООО «Харвест», 2006

Часть первая

Глава первая

С утра на федеральной трассе «Балтия» недалеко от поворота на Глухово начались ремонтные работы. Группа из пяти человек в ярких спецовках дорожно-строительного управления огородила участок на крайней полосе, выставила положенный знак и вяло колупалась в асфальте.

Машины сбрасывали скорость. Время от времени на сузившейся трассе выстраивались в ряд несколько машин – и через минуту затор рассасывался. Подъехали сотрудники ДПС, поинтересовались, кто работает и с чьего разрешения. Глянули одним глазом в документы и покатали дальше.

Около двенадцати к огороженному участку подъехала пара иномарок. С первого взгляда было заметно: машины вместе выехали и вместе прибудут на место. Головная «мазда» ни при каких обстоятельствах не оторвется больше чем на десять метров от идущей следом «ауди» прошлогоднего выпуска.

Тонированные стекла обеих машин скрывали лица пассажиров. Но «ремонтникам» это было без надобности. Как только «мазда» сбросила скорость, объезжая ограждение, в руках у них появились короткоствольные автоматы. На машину обрушился шквал очередей. За несколько секунд водителя и всех пассажиров изрешетило пулями.

Водитель второй машины попытался выскочить на встречную и газануть, но в него выстрелили из кустов, с противоположной стороны обочины.

Двое «ремонтников» резво подбежали к «ауди» с забрызганным кровью лобовым стеклом. Двери уже были заблокированы, но один из них легко взломал специальной отмычкой замок со стороны водителя. Ухватив покойника за шиворот, выкинул его на асфальт и сам уселся на водительское место.

Рядом, застыв от ужаса, сидела девушка в джинсах и черной обтягивающей майке с белыми буквами «No pasapa» – на пассажирку тоже брызнула водительская кровь. Перегнувшись через ее колени, человек с автоматом открыл дверь своему сообщнику.

Тот выдернул девушку за руку и втолкнул обратно в машину – на заднее сиденье, которое занимали мужчина и женщина постарше. Потом оглянулся по сторонам, плюхнулся рядом с новым водилой, и «ауди» рванула к повороту.

Операция длилась в общей сложности пятнадцать секунд. После нее на трассе остались тело прежнего водителя «ауди» с белыми как мел скрюченными пальцами, переносной дорожный знак, гильзы, мелкие осколки битого стекла. И еще проштампованная пулями «мазда» с тремя трупами и насквозь промокшим от крови велюровым салоном.

За несколько минут дежурные милицейские телефоны приняли два десятка звонков от проезжих. Водители и пассажиры брались за мобильники, не боясь израсходовать лишние деньги со счета. Первыми на месте преступления оказались сотрудники ДПС – те самые, что удовлетворились липовой справкой «дорожных работников». За ними подъехала милицейская следственная бригада и сразу же начала заново ограждать участок дороги стойками и яркой лентой.

Теперь дорогу перекрыли почти до разделительной линии. «Пробка» сразу растянулась на километр с обеих сторон, и дэпээсовцы регулировали движение, пропуская транспорт то в одну, то в другую сторону.

Милиция спешно выясняла у свидетелей, куда подевались преступники и взятые в заложники люди. Как водится, был введен в действие план под всем известным названием «Перехват». Традиционным оказался и результат. Пустую «ауди» с распахнутыми настежь дверями нашли в десяти километрах от места происшествия, в неглубоком овраге недалеко от дороги на Глухово.

К этому времени уже прояснились личности убитых и похищенных. Трупы принадлежали двум телохранителям и двум шоферам. В заложники были взяты известный всей России предприниматель Никита Анатольевич Абросимов, его жена Ольга и двадцатилетняя дочь Даша.

Если быть точным, слово «предприниматель» подходило для Абросимова в такой же степени, как «служащий» для генерального директора его главного сталепрокатного завода в Челябинске. Никита Анатольевич давно уже вырос в магната, в олигарха. Несмотря на убытки прошлого года, он держался еще очень крепко. И вдруг такая незадача, такой прокол службы безопасности.

Трое главных свидетелей из проезжавших мимо машин все слышали и видели. Двое из них сидели за рулем, третий ехал пассажиром. Нападавшие были без масок, но никто не мог назвать определенных примет. Физиономии дорожных рабочих привлекают даже меньше внимания, чем кусты у обочины. Когда же

люди в одинаковых ярких спецовках открыли огонь из автоматов, их тем более не хотелось разглядывать. Каждый из проезжих автомобилистов думал в этот момент только о собственной шкуре.

– Возраст? В среднем, наверное, тридцатилетние. Кому-то, может, больше, кому-то меньше...

– Волосы в основном светлые, точно не чеченцы. Тип скорее славянский... Бород ни у кого не заметил. Насчет усов не поручился бы...

– Узнать их? Вряд ли. Даже сейчас не могу мысленно нарисовать. Все так внезапно случилось... Я вначале думал, кино снимают...

* * *

– Слышал про последнее похищение? – спросил Федор Филиппович.

– Жена рассказала. До сих пор все близко к сердцу принимает, что видит по новостям. А там сами знаете: то паром на Филиппинах потонул, то в Ираке очередную бомбу взорвали. И каждый раз трупы крупным планом норовят показать. Для телевизионщиков это самый смак.

– По делу Абросимова лишних кадров не было. Трупы уже накрыли простынями.

– Зато дали крупным планом фотографии жены и дочери из прежней благополучной жизни. Так что Ирина все равно расстроилась.

– Представляется случай улучшить ей настроение.

Генерал Потапчук снял наручные часы и положил их перед собой на стол. Он часто так делал, когда переходил к главной теме разговора. Привычное движение вовсе не означало строгий отсчет времени, но заставляло внештатного агента по прозвищу Слепой фиксировать и запоминать каждое сказанное слово.

– Возьмешь дело на контроль.

Глеб решил, что Федор Филиппович просто не договорил очевидного: заложников нужно найти и освободить. Но генерал, как оказалось, произнес ровно столько слов, сколько требовалось по сути задания.

- Желательно вмешиваться по минимуму. Официально по делу работает Оперативно-разыскное бюро. В неофициальном порядке будет чего-нибудь майстричить служба безопасности Абросимова. Наследить нам с тобой ни в коем случае нельзя.

- Затем я и вольный стрелок, чтобы ведомство не подставить.

- Так-то оно так. Но благородных одиночек, занятых скорой помощью, сейчас в природе не наблюдается. Всем известно: за каждым спасением людей стоит чье-то задание. Если служба безопасности «Сибстали» докажет свою непричастность, начнут косить в нашу сторону. Оперативники опять заведут старую пластинку, что мы им работать мешаем.

- Ладно, буду парить, как ангел-хранитель. Давать ценные советы от имени внутреннего голоса.

- Похитители сработали на пять с плюсом. Норов свой показали - в случае необходимости ни перед чем не остановятся.

- А если «Сибсталь» попробует договориться по-хорошему? Отстегнут выкуп, обменяют деньги на товар.

- Ради бога, тут мешать не надо. Пускай «Сибсталь» возвращает своего хозяина, а милиция ловит банду. Лишь бы только джентльменское соглашение не кончилось большой кровью. Есть подозрение, что не все с этим похищением так очевидно и просто, в противном случае я не стал бы тебя вызывать.

- Чья-то скрытая игра.

- Есть такое мнение. Только чья игра и какая - пока неизвестно.

Об Абросимове Глеб Сиверов знал немного. Как и все крупные олигархи, этот человек сколотил себе состояние во время залоговых аукционов начала

девяностых годов. Скупил по дешевке половину сталепрокатных мощностей Сибири и Урала, потом добавил еще несколько заводов помельче. С тех пор ОАО «Сибсталь» прочно входило в десятку крупнейших компаний России. Абросимов и «Сибсталь» стали неделимым целым.

Однажды Сиверов видел этого человека, присутствуя по необходимости на торжественном открытии после ремонта Большого театра. Внимание Глеба было поглощено совсем другим «объектом». Но каждая деталь, каждая фигура в окружающем фоне могла оказаться критически важной, свою долю внимания приходилось уделять всему.

Феноменальное зрение Глеба позволяло различать на расстоянии мелкие детали. Иногда эти детали были ненужными – например, фактура поверхности. Слишком натянутая кожа некоторых женских лиц, многослойная «штукатурка» на других – глаза напряженно блестят сквозь прорези маски. Физиономии мужчин – сетки морщин, лоснящиеся от пота лбы, мешки под глазами, сизый отлив на щеках после бритья.

Лица Абросимова и его супруги выгодно отличались от других гладкостью и естественной привлекательностью. Тогда в российской элите приверженцев здорового образа жизни было еще не так много.

В этой среде чередовали водку с кофе, курили по пачке в день, решали деловые вопросы в дорогих ресторанах за трапезой с обильными возлияниями. Орали на замов, работали до ночи, отсыпаясь с утра. Не умели отключаться от проблем. Спорт в жизни ограничивался просмотром футбола по телевизору с матерными комментариями.

Уже через год-другой большинство подчинилось новой моде: обязательно плавать в бассейне, посещать тренажерный зал. Многие бросили курить, сели на диету, стали посещать психологов и учиться расслабляться, не отдавая свою нервную систему на съедение собственному бизнесу.

Но на тот момент подобные личности еще считались «белыми воронами». Абросимов с женой казались почти иностранцами, и отношение к ним было соответствующее – сквозь внешнюю вежливость просвечивали недоброжелательность и скептицизм. С ними здоровались, но не так, как с лучшими друзьями или влиятельными конкурентами.

Тогда, в Большом театре, чета Абросимовых проплыла по периферии сиверовского взгляда. Теперь ей пришло время оказаться в центре, в фокусе.

Глава вторая

Генерал Потапчук имел достоверную информацию: «Сибсталь» и ее служба безопасности в самом деле не остались в стороне от дела. Брат похищенного бизнесмена, директор «Сибстали» по маркетингу Андрей Абросимов взял в свои руки руководство как бизнесом, так и спасением заложников.

Чтобы различать, о ком идет речь, их называли в фирме «Абросимов-старший» и «Абросимов-младший», хотя эти определения больше годились для отца и сына, а разница между братьями составляла всего три года. Никто не оспаривал у Андрея Анатольевича ведущую роль – сам Никита Анатольевич не раз говорил, что брат возьмет в свои руки штурвал на случай его болезни или длительного отсутствия.

Предвидел ли хозяин «Сибстали» серьезные неприятности? Даже члены руководства компании не могли ответить на этот вопрос.

За пять часов до беседы генерала Потапчука с внештатным агентом по кличке Слепой у Андрея Абросимова состоялся разговор с рядовым сотрудником службы безопасности «Сибстали». Этого парня он не так давно подобрал на улице, заметив в свете фар неподвижное тело. Врач по образованию, он сразу понял, что молодой человек спортивного телосложения жив – просто отключился от удара по голове увесистым тупым предметом.

Директор по маркетингу нашел время отвезти парня в больницу. На следующий день навестил его в травматологии. Заплатил заведующему отделением за лечение и уход по первому разряду.

Сделал он это не из особого человеколюбия. Он сразу оценил в ночной жертве человека тренированного и физически очень крепкого. На братка парень не был похож. Это подтвердилось, когда пострадавший пришел в себя.

Двадцатипятилетний уроженец подмосковного Реутова Сергей Крупенин служил в армейском спецназе, потом воевал в Чечне по контракту. На гражданке не смог поступить в институт и устроился охранять офис друга детства. Между давними друзьями отношения начальника и подчиненного выстраиваются с трудом, Сергей быстро разругался с шефом и устроился в другую фирму водителем-курьером. Принимал в аэропорту заказную международную корреспонденцию и доставлял ее по нужным московским адресам.

Как потом выяснилось, нападавшие приметили его в аэропорту. Решили, что парня с такими физическими данными отправляют принимать некие ценные грузы. Поехали следом по ночной Москве, улучили момент, когда Сергей вышел купить сигарет в круглосуточном магазине, и нанесли удар сзади. Отъехав на несколько кварталов, вскрыли конверты у себя в машине, но обнаружили только деловую корреспонденцию. С досады разорвали листы и выбросили из окна.

Для работодателей Сергея бумаги были, напротив, очень даже ценными. Парню посоветовали поискать себе другое место работы. Абросимов-младший предложил ему перейти в службу безопасности сталелитейной фирмы.

Андрея давно беспокоила ситуация в этом подразделении «Сибстали». Ее глава, бывший майор милиции Девятаев, в свое время получил от Никиты Абросимова карт-бланш и набрал к себе в отдел хорошо знакомых ребят. Несколько раз Андрей высказывал брату опасения – при такой постановке дела служба безопасности может оказаться «государством в государстве». Никита уверял, что держит руку на пульсе и никаких вопросов к Девятаеву у него нет.

Андрей все-таки уговорил старшего брата взять в отдел пару ребят со стороны. Возражать начальник охраны не осмелился, но сделал все, чтобы не подпускать «чужаков» близко к ответственной работе.

Директор по маркетингу чувствовал, что его протеже стали в отделе изгоями, и решил добавить к ним третьего – довести число до «критического». Троиш Девятаеву трудновато будет задвинуть. Он не решится обвинить всех троих в некомпетентности – слишком откровенным будет такой ход.

До нападения на трассе оставалось всего две недели. Это время новичок провел у входа на сменном дежурстве в фойе главного офиса компании. Спустя несколько часов после захвата заложников Девятаев стал на него давить. Мол,

несчастье случилось, как только ты устроился на работу. Не засланный ли ты казачок, мил человек?

Андрей Абросимов взял парня под защиту. Приказал Девятаеву не только оставить Сергея в покое, но и привлечь к самой ответственной работе.

– Он не должен сидеть попкой у входа, ясно? С сегодняшнего дня активно его задействуй.

Скрепя сердце бывший майор подчинился. Теперь Андрею предстояло ежечасно и ежеминутно брать на себя ответственность – брат не мог одобрить или отменить его приказы.

В ночь после похищения Абросимов-младший не сомкнул глаз. Предвидел, что и следующей ночью отдохнуть тоже не получится. Брат старался посвящать его в большинство технических и финансовых вопросов. Но теперь, получив в свои руки все рычаги, Андрей нуждался в доскональных знаниях о штатах компании, о местных властях за тридевять земель от Москвы, где прокатывали стальные листы на благо России и фамилии Абросимовых. Бремя свалилось огромное.

Андрей прикидывал, на кого можно опереться в ежедневном управлении огромным механизмом. Не считая представительств за рубежом, части этого механизма были разбросаны от Москвы до Новосибирска. Тем не менее требовалась ежедневная согласованная работа.

Выслушивать, сопоставлять, принимать решения, отдавать команды. Андрей очень устал. Тратить ли время на освобождение брата в ущерб бизнесу или заниматься делами и не думать о брате?

Казалось бы, жизнь и свобода родного человека на первом месте. Но в деле розыска и спасения Андрей остро чувствовал свою некомпетентность. Благими намерениями, говорят, вымощена дорога в ад. Не лично для тебя – для другого человека, дорогого и близкого...

Для начала Абросимов-младший решил поговорить со своим протеже.

Сели рядом, на заднем сиденье служебной машины для менеджеров среднего звена. Водителя за рулем не было, автомобиль стоял в гараже, на ремонте. Через полчаса здесь должна была начаться рабочая смена.

- Как вообще работается?

- Нормально.

- Отношение сослуживцев, начальства? Все замечательно? - мрачновато уточнил Андрей.

- Сейчас нигде с порога не примут с распростертыми объятьями. Надеюсь хорошо себя зарекомендовать...

- Слишком уж сплоченная подобралась команда, - перебил Абросимов-младший. - Тебе так не показалось?

- По-моему, нормальные ребята. Переживают за своих, за убитых. И за дело тоже. Даже на похороны собираются ехать по очереди, чтобы работа не стояла.

Временный глава «Сибстали» не сразу вспомнил о погибших при захвате:

- Чьи похороны? А да, правильно... Когда назначили?

- Еще неизвестно. Экспертиза пока не вернула тела.

- В ближайшие дни у вас будет запарка.

«Может, и недели, месяцы...» - подумал Андрей про себя.

- Да, работы прибавилось, - кратко и вежливо подтвердил собеседник.

Он аккуратно выдерживал дистанцию, не претендуя на роль близкого и доверенного лица.

- Куда тебя Девятаев поставил?

- Сопровождать Леонида Николаевича.

Так звали директора по снабжению.

- Я тебя переведу. Будешь на переднем крае, самом ответственном.

Парень непроизвольно напрягся.

- Спасибо. Постараюсь.

- Чудес я от тебя не жду, у Девятаева есть люди поопытнее. Мне нужно иметь внутри вашей службы уши и глаза, уяснил?

Сергею всей душой хотелось ответить «да», но сути он до конца не понял. Абросимов-младший заметил это и впервые усомнился в своем выборе. Сумеет ли раскусить тщательно замаскированное зло этот парень, явно не искушенный в подлостях и хитростях?

- По большому счету, я слабо доверяю нашей службе безопасности. Есть еще двое ребят, которых взяли с моей подачи, но Девятаев сделал все возможное, чтобы задвинуть их подальше.

- Думаете...

Абросимов-младший предостерегающе выставил вверх указательный палец.

- Пока я никого ни в чем не обвиняю. Но обязан рассмотреть все варианты. Не с нами первыми, не с нами последними приключилось несчастье. Иногда - подчеркиваю, иногда - среди своих оказываются предатели.

В голубых глазах парня снова читались ясность и определенность.

- Постараюсь ничего не упускать из виду.

- Одно плохо: все в отделе подозревают о твоей задаче. Догадались раньше, чем ты сам о ней узнал. Это не прибавит тебе симпатий. Никто не любит находиться

под присмотром, даже если рыльце у него не в пушку.

* * *

Всем троим набросили на головы мешки, потом пересадили в другую машину. Прошло время, машина остановилась, Абросимов-старший услышал, как открылась ближняя к нему дверь. Неуверенно ступил на землю, сзади подталкивали в спину.

Идти пришлось недолго, скоро он оказался в помещении. Здесь его усадили на стул и вышли, заперев за собой дверь на ключ. По близкому дыханию он чувствовал, что жена и дочь рядом.

- Даша? - произнес Никита Анатольевич, с трудом узнав собственный голос.

- Я здесь. И мама, по-моему, тоже.

- Господи, - выдохнула Ольга. - Что с нами теперь будет?

Последнее время многое в жене раздражало Абросимова.

- Ты к кому обращаешься: к Господу, ко мне или к этим людям?

- Ко всем, кто меня слышит.

- Не знаю, как Бог на небесах, но они, вполне возможно, в самом деле слышат нас.

Наступило молчание. Никто еще не свыкся с несвободой. Теперь все трое должны были быть осторожными.

Абросимов-старший вдруг подумал, не остался ли в дальнем углу кто-то из похитителей. Сидит себе тихо и неподвижно, наблюдает за первой реакцией.

Поднявшись со стула с мешком на голове и завязанными за спиной руками, он встал, чтобы обойти комнату. Быстро потерял ориентацию.

- Где вы? Подайте еще раз голос.

Жена ничего не сказала, только глубоко вздохнула. Даша с мрачной иронией произнесла «раз-два-три», как делают при проверке микрофона. Дочка и в прежней, благополучной жизни предпочитала черный юмор. Если она не изменила своей привычке, значит, пока не раскисла, держится.

- А руки? Связаны? - У самого олигарха кисти заведенных за спину рук стали уже неметь и затекать.

- Если б были свободны, я бы по крайней мере мешки сняла себе и вам, - нервно ответила жена. - Эти люди не сказали тебе, чего хотят?

- Приватной беседы у нас еще не было.

Никита Анатольевич прислонился боком к стене и двигался вдоль нее, чтобы обойти комнату по периметру. Шагал он медленно и осторожно. Не имея возможности прощупывать пространство впереди, он рисковал больно стукнуться о первое же препятствие.

- Догадаться не трудно, - продолжала жена, стараясь совладать с дрожью в голосе. - Знаю, как ты относишься к деньгам, но прошу тебя в данном случае поступиться принципами.

«Знает, как я отношусь к деньгам», - с негодованием подумал Абросимов-старший. Ольга тратила деньги на косметику, одежду, на свои увлечения экзотическими растениями и абстрактной скульптурой, дважды в год ездила отдыхать за границу и все равно считала мужа скуповатым.

Они поженились, когда Абросимов был простым советским кандидатом наук, жили в обычной трехкомнатной квартире в панельном доме. В те годы Никита частенько напоминал Ольге о том, что их семейный бюджет ограничен, а она воспринимала это как мелочность.

С тех пор она не изменила свое мнение, и вряд ли самые дорогие подарки могли ее разубедить. Когда Абросимов делал их по поводу и без повода, Ольга воспринимала это как вложение в собственный престиж, в жену, обязанную

«соответствовать».

«Предложить ей самой вести переговоры? – подумал он. – Нет, ничего никогда не надо делать сгоряча, потом рад не будешь».

– Слышишь меня? – потребовала ответа Ольга.

– Ну конечно. Не глухой.

Дочь могла истолковать его раздражение как точное попадание в цель материнских слов. Конечно, она ни в чем не знает отказа с самого детства, но ценит ли щедрость отца в полной мере? Его жена придерживается давних убеждений, а такая верность способна убеждать других.

Погасив злость, Абросимов заверил:

– Постараюсь быть с ними максимально честным и найти общий язык.

Никита Анатольевич сказал это не только для семьи, но и для самих похитителей, по-прежнему уверенный, что они все слышат. Кто же они такие? Как решились на захват? Наверняка не простые отморозки, раз так четко сработали. Кажется, никого из них даже не ранило.

Чья идея, в чьей голове родилась? Почему решили подкараулить именно его, Никиту Абросимова? Выбрали по тому же принципу, по которому жертвой льва или тигра становится самое слабое травоядное в стаде?

Последние года полтора он явно выделялся в этом смысле из сообщества крупных отечественных бизнесменов. Если не считать, конечно, Ходорковского, который просто потерял чувство реальности – сам смастерил себе капкан и сам в него угодил. Если же взять плотную шеренгу остальных, именно он, Никита Абросимов, стал явственно сбиваться с шага.

Государство стало замечать в нем недостатки. Оно, как женщина, – видит либо одни достоинства, либо одни недостатки. Проверка в Новосибирске, шмон в Челябинске, уголовное дело по сделке девяносто восьмого года. Напрямую «Сибсталь» в ней не участвовала, но косвенно дело бросало тень на ближайшего

абросимовского соратника, который вышел потом из бизнеса, продал свои семнадцать процентов акций.

Какой вывод могли сделать бандиты? От Никиты Абросимова отвернулся сияющий лик Фортуны? За его похищение не спросят так строго, как за похищение других столпов отечественной индустрии? Ради него силовые структуры не станут рыть землю? Правильно это или нет, сам похищенный не взялся бы утверждать.

Шаги по коридору. Приближались двое. Ключ повернулся в замочной скважине. Сердце тоже повернулось вокруг своей оси, как будто двое убийц пришли хладнокровно сделать свое грязное дело.

Никита Анатольевич почувствовал, как ему освобождают руки. С головы стянули мешок. Свет был настолько тусклым, что он даже не сощурился. Сразу различил жену и дочку – с них сняли мешки еще раньше.

Ни один лучик дневного света не пробивался в помещение с улицы. Довольно просторная комната освещалась люстрой с пятью рожками и единственной лампочкой. Занавешенное окно дополнительно перекрывал большой лист ржавой стали. С улицы наверняка различалась только плотная занавеска, изнутри ее нельзя было отдернуть и выглянуть наружу.

Оба вошедших были в трикотажных масках с прорезями для глаз. Абросимов отметил это про себя как добрый знак: если преступники прячут лица, значит, предполагают в конечном счете отпустить заложников на волю. Но был еще другой знак, от которого сжалось сердце, – тонкие резиновые перчатки на руках у обоих.

– Минуту внимания, – провозгласил один из незнакомцев в масках, хотя трое заложников и так следили за «хозяевами» не отрываясь.

– Вас пока никто не собирается обижать, – буднично сказал другой. – Будут кормить, предоставят возможность постираться и помыться.

– Поспать на мягком, – первый кивнул на два дивана, проступавших в сумерках.

– Соблюдайте правила, тогда будем жить дружно. К окну не приближаться, криков и истерик не разводить. Все команды выполнять беспрекословно. Убирать за собой, содержать помещение в чистоте.

Речь звучала вполне грамотно, без жаргонных словечек и специфически блатных интонаций. Никита Анатольевич не знал, радоваться этому или нет. С одной стороны, отмороженные уголовники вызывали у него страх и брезгливость в той же степени, что и скорпионы или тарантулы. Чем образованнее человек, тем больше оснований ожидать от него взвешенных действий. С другой стороны, похоже, что не только речь, но и требования будут грамотными: платить за свободу придется по полной программе. Глупых ляпов от этих людей не дождешься. Они не засветят в первый же день место, где прячут заложников.

– Со своей стороны мы... – начал было Абросимов.

– Я не давал команды открывать рот, – блеснули из прорезей маски глаза с рыжими искрами. – С нами нельзя заговаривать по собственной инициативе.

– Можно мне? – подняла руку Ольга.

– Так уж и быть, – вздохнул человек в маске. – Спрашивайте.

– Как нам попасть в ванную, в туалет? Каждый раз колотить в дверь?

– Номер у вас с удобствами, – человек в маске кивнул в сторону другой, едва заметной двери на дальней стене. – Прямое сообщение с совмещенным санузлом. Можете прямо сейчас опробовать.

Обстановка в просторной комнате, конечно, далеко уступала условиям жизни Абросимовых. Но для пленников могла считаться вполне сносной: три стула, два дивана, круглый стол со стопкой прошлогодних иллюстрированных журналов, ковер на полу.

Как только двое незнакомцев вышли, Ольга скрылась за той самой дверью, о которой говорил человек в маске. Никита Анатольевич инстинктивно проверил карман пиджака. Сотового, понятное дело, не было, хотя он не успел заметить, как его вынули.

Впервые с момента захвата они с дочерью посмотрели друг другу в глаза. Бизнесмену отчетливо вспомнились обстоятельства нападения, будто он увидел их отражение в Дашиных зрачках. Судорожный вираж автомобиля, бьющиеся окна, выплеск крови на лобовое стекло. Жуткие секунды соседства с человеком, убитым у тебя на глазах.

– Все остальные... – начал было Никита Анатольевич, но договаривать не стал.

– До сих пор не верю, что это взаправду. Есть такой фильмец с Майклом Дугласом – там с ним случается много всякого дерьма, а потом выясняется, что это просто дорогостоящая игра, новое развлечение. На нас ни царапинки, никто не рвется меня насиловать. Тебе не кажется, что это розыгрыш, заказанный кем-то из твоих друзей?

При слове «насиловать» олигарх трижды постучал по столу и укоризненно посмотрел на дочь.

– Нет, не кажется, – произнес он с нажимом.

– А может, стреляли холостыми и кровь лилась понарошку, как в кино? Сейчас все уже отряхнулись, переоделись и скоро войдут сюда с букетами в руках.

Это не было издевкой или признаком нервного срыва, Абросимов видел, что дочь верит в то, что говорит. Или это защитная реакция психики? Не стоит переубеждать ее, вспоминая «живописные» подробности.

Вернулась Ольга. Сумочку у нее забрали, но она все-таки нашла способ поправить перед зеркалом растрепанные волосы. Перебравшись на диван, она сделала нервное движение пальцами, вытягивая из воображаемой пачки воображаемую сигарету. Абросимов давно бросил курить, жена курила по одной сигарете с ментолом через день. Сейчас она бы, наверное, не отказалась от табака позабористей.

Никита Анатольевич задался вопросом, будут ли преступники проветривать комнату. Вряд ли их человеколюбие и забота достигнут такого градуса. Тогда сигареты здесь ни к чему, иначе запах через день будет, как в гадюшнике.

Почему они не объявили свои требования? Или не торопятся, хотят пару дней поддержать заинтересованных лиц в неведении? Чтобы дозрели, стали более уступчивыми.

Впрочем, кто эти заинтересованные лица? Кто готов свернуть горы, сделать все возможное и невозможное для освобождения? До конца можно быть уверенным только в собственном брате. Слава богу, никто не возьмет на себя смелость оспаривать решения Андрея.

Глава третья

Глеб не имел возможности лично осмотреть обе подвергшихся нападению машины. Федор Филиппович передал ему несколько фотографий. Для простого обывателя они передавали только мрачное настроение быстрой и жестокой бойни, унесшей жизни четверых человек. Сиверов же смотрел на них, как дирижер на музыкальную партитуру.

Каждая нота понятна. Можно подсчитать по отверстиям число очередей, уточнить количество стрелков. Снимок пустого салона «мазды», снимок этого же салона с трупами. Охранники даже оружие не успели выхватить, настолько неожиданным оказалось нападение.

Внимательно разглядывая фотографии, Сиверов пытался понять, какой именно информацией владели преступники. Одно дело – получить сведения о загородной поездке семьи Абросимовых и ее маршруте, другое – быть в курсе деталей.

Нападавшие точно знали, в какой машине находится Абросимов с семьей. Но это ничего не доказывало. Всякому знакомому с охранными мероприятиями хорошо известно: если машина сопровождения одна, она следует впереди.

Они должны были заблаговременно выяснить другое – не бронированы ли обе машины или, по крайней мере, хозяйская «ауди». Действовали уверенно, на этот счет у них сомнений не было. Но и это еще ничего не доказывало. Опытному глазу достаточно внимательно присмотреться к машине, чтобы определить,

бронирована она или нет.

Отложив в сторону фотографии, Сиверов просмотрел краткую информацию по плану «Перехват». Конечно, главные силы были брошены на западное и северо-западное направления, серьезному досмотру подвергался весь без исключения транспорт, удалявшийся от Москвы.

По Кольцевой тоже были выставлены патрули на случай, если похитители захотят запутать след, проскочить на северо-восток, к федеральной трассе «Холмогоры», или на юго-запад, вырулив на киевский маршрут. Но здесь досмотр производился выборочно. В противном случае пришлось бы привлечь чуть ли не весь личный состав и создать колоссальные пробки.

Сиверов не исключил еще один вариант, явно не предусмотренный в плане. Преступники могли податься в город. В Москве есть тысячи и тысячи мест, где заложников никто не увидит, тысячи и тысячи помещений, где их можно содержать сколь угодно долго. А если машина проехала город насквозь – выскочила к свободной от проверок трассе не по МКАД, а по столичным улицам?

...В это же время младший из братьев Абросимовых размышлял: имели преступники сообщника внутри компании или нет? Этот человек не обязательно должен быть сотрудником службы безопасности. Ценную для банды информацию мог предоставить и кто-то другой.

Андрей взялся просматривать список сотрудников, принятых в течение года на работу в головной офис. Шесть человек – мизерное число для такой огромной компании. За это же время двадцать два получили расчет. Почти столько же было отправлено из Москвы на производство, расположенное за тысячи километров от столицы. Такие «командировки» могли длиться годами с перерывом на отпуск.

Абросимов-младший взял на просмотр личные дела и тех, и других, и третьих. Преступники могли внедрить своего человека, но нельзя исключить, что они отследили обиженного. Работая в офисе, человек обрывает дружескими связями с коллегами. Даже сменив место работы, некоторые продолжают поддерживать старые знакомства, интересуются прежними сослуживцами, начальниками. Первое время такой интерес выглядит вполне естественным, в ходе пустого телефонного трепа многое можно разузнать.

Важно еще одно: как поведут себя в отсутствие шефа люди из высшего руководства «Сибстали»? Какой будет реакция крупных пайщиков, директоров уральских и сибирских заводов?

С менеджментом верхнего звена Абросимов уже успел провести три совещания. Никто не оспаривал его унаследованные права, не пытался гнуть свою линию или образовывать скороспелые коалиции.

Конечно, никто не скрывает своей обеспокоенности будущим – судьбой шефа, курсом акций «Сибстали», возможными поворотами в бизнесе. Но все без исключения настроены «сплотить ряды», работать еще лучше.

Возможно, внутренний враг слишком опытен, чтобы проявить себя сразу...

* * *

Абросимов-старший пребывал в полной уверенности, что их троих постоянно видят и слышат. Надо изобрести способ незаметно обсуждать важные вещи.

Можно разговаривать беззвучно, следя за движениями губ друг друга. Можно рисовать буквы пальцем одну за другой. Получится очень медленно, но времени и так слишком много. После первых выстрелов оно совершило стремительный рывок, а теперь резко замедлилось. Пустые секунды, заполненные только ожиданием неизвестности. Ждали скорее плохого, чем хорошего.

Но похитители тоже не лыком шиты: могут заметить, что заложники ведут переговоры. И пока не обнаружишь скрытые камеры, не сможешь выбрать укромное место.

Ужасно чувствовать себя под недобрыми взглядами. Хотя... не исключено, что преступникам плевать на перешептывания пленников. Они твердо знают, что из комнаты нельзя ни убежать, ни подать весточку. Остальное безразлично, и они не утруждают себя постоянным контролем.

Заложники – как игровой автомат. От него ждут крупного выигрыша с трелью звонка и дождем золотых монет. Если выиграть не удастся, по автомату могут стукнуть кулаком.

Обо всем этом Абросимов думал, но вслух ничего не говорил. Жена и дочь тоже молчали. Даша взяла было в руки глянцевого журнальчик с фотографиями поп-звезд и их апартаментов. Тут же скривилась и швырнула на пол:

– Отстой.

Никита хотел было сделать дочери замечание. Напомнить, что их обязали следить за порядком и чистотой в комнате. Но не время сейчас воспитывать, нервы у всех натянуты. Хотел обнять Дашу, приласкать. Только она давным-давно не дается, оцетинивается колючками.

– Собирайтесь на выход, Никита Анатольевич, – послышался голос за стенкой.

Бизнесмен с готовностью встал и сразу вспомнил, что еще не наведаясь в ванную. Утром он, конечно, совершил все положенные процедуры – принял контрастный душ, побрился, причесался. Но с тех пор прошла целая вечность. Надо взглянуть в зеркало, убедиться, что внешне спокоен, чтобы не являться на разговор затравленным.

Зрелище в зеркале неприятно его поразило. Когда он успел так осунуться? Можно исправить взгляд, прилепить на лицо фальшиво-спокойную улыбку, но что делать с невесть откуда взявшимися двумя глубокими морщинами от крыльев носа к уголкам рта, с ввалившимися глазами?

– Попроси, чтобы разрешили тебе связь, – попробовала внушить жена из комнаты. – Ты должен сам предупредить, чтобы нас никто не пытался освободить. Выполнить условия этих людей – больше ничего не требуется.

Абросимов-старший раздраженно скривился, и морщин от этого только прибавилось. При своих сорока пяти он выглядел сейчас лет на десять старше. Морда старой обиженной псины – а он ведь не сломался, чувствует себя не так уж плохо для заложника. Срочно умыться холодной водой, взбодриться.

Олигарх не успел взглянуть в зеркало еще раз, щелчок дверного замка застал его с полотенцем в руках. За ним явился один из тех, кто уже посещал комнату. Молча накинул на голову мешок, из тех, в какие пакут картошку, вывел в коридор.

Сам не зная зачем, Никита Анатольевич взялся вести счет шагам. Долго считать не пришлось, набралось всего двадцать пять. Он никуда еще не сворачивал, но понял, что переступил порог другой комнаты. Сильно пахло табачным дымом.

Чужая рука легла на плечо и придавила книзу. Никита Анатольевич послушно, но с осторожностью стал сгибать ноги в коленях. Что за сиденье ему предлагают, какой оно высоты? А может быть, ни стула, ни кресла нет и в помине и он сейчас неуклюже свалится под общий хохот.

Абросимов-старший добросовестно заботился о своем здоровье и телесной крепости. Не курил, не предавался излишествам в еде, регулярно плавал в бассейне, накручивал на велотренажере виртуальные километры. Однако тело предало его первым. Душа еще держалась, в то время как тело потеряло крепость, размякло. Абросимов ощущал себя ощипанной курицей – неуклюжей, голой, но еще живой, способной испытывать боль от простого прикосновения.

Руки оставались свободными, он нащупал ими сиденье и опустился на этой площадке для приземления в темном, неопределенном, как космос, пространстве.

– Извините, что водим вас в мешке, вынужденная мера предосторожности, – прозвучал новый голос, тоже вполне вежливый. – Как самочувствие? Понятное дело, далеко от идеального, но вы пришли в себя?

Олигарх кивнул.

– Замечательно. Нужно представить на Большую землю доказательства, что вы действительно у нас в руках. Записать пять минут видео.

– Что я должен сказать?

Вопрос прозвучал торопливо и резко, как будто Никита Анатольевич хотел свести общение к минимуму. На самом деле он желал поддержать и упрочить дружеский тон. В сути требований это ничего не изменит, но бытовые трудности поможет облегчить.

– Готового текста у нас нет. Говорите сами от себя. Лишнее мы вырежем, остальное передадим по назначению.

– Я должен попросить, чтобы требования были выполнены?

Собеседник хмыкнул. Никита Анатольевич готов был поклясться, что при этом он пожал плечами.

– На ваше усмотрение. Может, вам давно все надоело: бизнес, семья, ежедневная ответственность без права на ошибку? Может, вы давно лелеяли мечту окунуться в темноту, погрузиться в небытие?

– На денек не отказался бы, но не больше, – усилием воли Абросимов-старший заставил себя говорить чуточку свободнее.

– И я так подумал.

– Мне хотелось бы знать ваши требования, прежде чем призывать их выполнить.

– Они вполне разумные. Мы не требуем счастья для всего человечества или свержения в государстве законной власти. Всего лишь денежный эквивалент свободы вашей семьи.

Сердце у бизнесмена тоскливо заняло. Животный ужас миновал давно, едва только стало ясно, что убивать их никто не намерен. Но как много придется отстегнуть, какой урон понесет «Сибсталь»?

– Во сколько же вы ее оценили?

– От подробностей мы вас избавим, чтобы не вгонять в депрессию. Платить выкуп всегда накладно. Изымать из бизнеса миллионы как резать по живому.

– Спасибо за сочувствие.

– Мы ведь не садисты, – голос немного потеплел. – Мы не получаем удовольствия от чужих страданий. Просто заработок у нас специфический. Хотя тоже считаем затраты, следим за окупаемостью, подбираем кадры. Сумму пока оставим за

скобками. В операционной не делают зеркальный потолок: зачем пациенту знать и видеть лишнее?

«Хорошее сравнение, – подумал бизнесмен. – Их вообще пока не в чем упрекнуть. Отличная организация, все продумано, никаких эмоций».

– Мы хотим знать вашу принципиальную позицию: платить или нет. Сроки и все остальное мы сами уточним.

– Могу я немного обдумать свое заявление?

– Думайте на здоровье. Здесь вас никто не будет отвлекать. Когда надумаете, громко скажете: «Я готов».

Абросимов-старший услышал, как собеседник встает с места.

Глава четвертая

За две недели до нападения на федеральной трассе «Балтия» в салоне серебристо-серого «пежо» раздалась трель мобильного – довольно редкие в Москве позывные, торжественный и мрачноватый мотив.

Высветившийся номер телефона ничего не подсказал хозяину сотового. Поворачивая правой рукой руль, левой он поднес мобильник к уху – гладкая и крупная ладонь казалась сделанной из гипса.

– Есть интересная идея. Сам выбирай, где и как передать тебе суть.

– Кому ты вообще звонишь, друг? Не обознался случаем?

– Исключено.

– Ну ладно... Время от времени я выслушиваю обращения и жалобы граждан. Сумел узнать мой номер – значит, сумеешь меня найти. Главное – говорить

покороче, времени у меня мало.

- Если не против, можем поговорить прямо сейчас. Видишь справа стоянку? Тормозни, и я к тебе подсяду.

- Даже так?

Сбросив ход, человек за рулем глянул в зеркальце заднего обзора. Неужели он не засек «хвост»?

Вкатившись на небольшую по размерам стоянку, он заплатил за час парню с квитками и откинулся на спинку кресла. В ближайшие несколько минут ни одна машина не встала на свободное место. Но человек появился.

Худощавый, в легкой летней куртке на «молнии», он неспешно приблизился к серебристо-серому «пежо» и постучал в стекло, испещренное влажными бисерными точками. На улице моросил мелкий дождь.

Хозяин «пежо» без тени опасения разблокировал дверцу, и неизвестный сел рядом. Представляться он не стал, протягивать руку для пожатия – тоже. Передал цветную семейную фотографию. Внимательно рассмотрев ее, хозяин «пежо» обнаружил на оборотной стороне написанную от руки цифру. С учетом значка «евро» она смотрелась внушительно.

- Столько можно запросить, – объяснил пассажир, который не собирался никуда ехать. – И вполне реально получить.

- За что? За какие такие мои достоинства?

- Желаешь устроить мне экзамен на знание твоей биографии? Выбери год на свой вкус. От девяносто второго и дальше... Твой первый опыт с сыном директора «АЗЛК». Отец тогда благоразумно не стал никуда заявлять.

Хозяин «пежо» даже бровью не повел, хотя напоминание пришлось ему не по душе.

- Детей я никогда не обижаю и руки на всю жизнь ломаю тем, кто это делает.

– Он был почти совершеннолетний, и относились вы к нему хорошо. Фрукты, вишневый соус... Единственный минус – круглые сутки на одном месте, при электрическом освещении. Потом вы действительно не связывались с «объектами» моложе шестнадцати лет. Последнему, в Испании, было восемнадцать с половиной – брат полузащитника «Реала», чей ежегодный заработок ни для кого не тайна.

– Лично я болею за «Барселону», – признался хозяин «пежо». – А насчет доходов футболистов не все так просто. Мало кому известно, кто из них сколько получает от рекламных акций, от продажи маек...

– Будем и дальше вспоминать твою жизнь?

– Ты перепутал. Может, похож внешне; может, имя-фамилия совпадает.

– Согласен. Теперь по делу. Взятся бы тот, похожий на тебя человек, его проверить?

– Кто ж его знает, чужая душа – потемки. Смотря какую информацию ему подкинут. Сколько придется отстегнуть за наводку. Это я как человек со стороны предполагаю.

– А ты хорошо входишь в роль.

– Каждый из нас может представить себя крутым, разве нет?

Лицо хозяина «пежо» было как у статуи – бледное, гладкое, с крупными чертами. Казалось, он никогда не бреется, щетина не растет на чистой поверхности его скулы. Тем не менее никто бы не назвал это лицо женственным. Все в нем было мужским – массивная нижняя челюсть, слегка приплюснутый нос, крепкие надбровные дуги.

– Это не подстава, – заверил пассажир. – Информацию твой однофамилец получит полную, время и место выберет сам. Комиссионные возьму божеские, десять процентов. В этом деле деньги для меня не главное.

* * *

Человек по кличке Плащ действительно специализировался на похищениях людей. Со временем вокруг него образовался костяк банды. Число подчиненных никогда не превышало шесть человек. Каждого из них он многократно проверял, прежде чем допустить к делу.

Теперь все они сидели за одним столом и внимательно слушали.

– На меня вышли. Узнали номер мобильного, приметы машины. Такого прокола у нас еще не было. В любом случае я несу за него ответственность. Не я один... но об этом потом. Сперва хочу показать вам, как сильно я недоволен собой.

Плащ извлек из ящика стола небольшую коробочку. Среди прочего в ней лежало несколько обыкновенных английских булавок. Раскрыв одну из них, он приблизил острие к ровному краю аккуратно остриженного ногтя.

Все невольно отвели глаза – кто вниз, кто в сторону.

– Смотреть сюда, – повелительно произнес Плащ.

Он стал медленно загонять сам себе острие под ноготь, под которым выступила кровь. Потом на столешницу упала капля – одна, вторая... Кто-то из банды тяжело сглотнул, кто-то прикусил губу, кто-то с ужасом завороченно глядел, как человек сам себя подвергает пытке.

Она еще продолжалась. Одну за другой Плащ медленно загнал себе под ногти три английские булавки. Некоторое время он внимательно наблюдал, как из пальцев вытекают темно-красные капли. На его бледном лице с крупными чертами не отражалось боли. Оно только заблестело – кожа на щеках, подбородке и на лбу одинаково увлажнилась от пота.

Наконец Плащ выдернул булавки – одну, вторую и третью. Послышался вздох облегчения. Но он оказался преждевременным.

– Есть и другой виновник прокола, – сказал Плащ, вытирая кровоточащие пальцы чистым носовым платком. Голос его стал чуть глуше от нестерпимой, еще не

отпустившей боли. – Один из вас. Моя вина в том, что я взял к себе и так долго держал паршивую овцу.

Молчание стало гробовым. Если Плащ так жестоко наказал сам себя, что он сделает с подчиненным? Страшно даже подумать.

– Вряд ли наша паршивая овца сотворила зло намеренно. Если бы за мою голову заплатили, нежданную встречу организовали бы совсем по-другому. Скорей всего кем-то из вас был допущен небольшой случайный просчет. Если каждый заглянет внутрь себя, вспомнит последние недели две, он поймет, где совершил ошибку. Мы не встанем из-за стола, пока не найдем виновного.

Никто не нарушил молчания. Теперь все боялись не только открыть рот, они боялись пошевелиться, отвести глаза, сглотнуть.

– Думайте, не впадайте в ступор. От мелких ляпов никто не застрахован. Ваше дело исповедаться, а я уже сам решу, кто виноват. Если кто-то скажет, что он чист и непорочен передо мной и товарищами, это заставит меня заподозрить в первую очередь его.

Теперь замолчал и Плащ. Стало отчетливо слышно тиканье старинных настенных часов. На лицах отражалась напряженная работа мысли, многим она явно давалась с трудом. Прошло почти пять минут, но никто не решался заговорить первым.

– Сейчас я начну убивать наугад, – спокойно заявил Плащ.

Никто не усомнился, что он на это способен. Застрелит одного, второго. Оставшиеся не посмеют ни бежать, ни тем более защищаться.

– Ничего такого не могу припомнить, – начал ближайший к нему справа человек с хищным, заостренным на конце носом и глазами навывкате.

– Не можешь и не надо. Поставим галочку, что Сыч ответил нам именно так.

Слово «галочка» напугало Сыча в связи с последним предупреждением шефа. Он стиснул зубы, как будто внутренним усилием без помощи рук собрался

сдвинуть массивный стол.

- Даже не знаю... Ну, например... Бабу на прошлой неделе не в ту дырку трахнул. Может, зло на меня затаила.

Несколько его товарищей ужаснулись глупости сказанного. Услышав такое, Плащ может выйти из себя.

- Зло затаила и... - главарь банды ожидал продолжения.

- Не знаю... Может, у нее есть какой знакомый мусор, и она ему номер моей тачки скинула: поинтересуйся, мол, чем дышит человек.

- А что ты ей о себе рассказывал?

- Ничего, ноль, - с готовностью отчитался Сыч. - Не люблю вообще с бабами рассусоливать, это кто угодно может подтвердить.

Теперь признание Сыча уже не выглядело таким глупым. С одной стороны, изложил маловероятную, но связную версию. С другой - смешно убивать его за ту провинность, в которой он признался.

- Хочешь сказать, ты мог не заметить слезки?

- Нет, слезку бы я почувствовал. Но они могли засечь мою тачку на стоянке.

- Ты нарушал наши правила? Ставил тачку слишком близко?

- Нет. Ты велел вспомнить хоть одну ошибку, вот я и вспомнил. Досконально прикинуть последствия... Тогда надо сесть и как следует обмозговать.

- Думать надо всегда, даже когда другим местом работаешь, - подытожил Плащ и обвел взглядом остальных в ожидании очередного признания.

Второму «выступающему» было уже гораздо легче, пример Сыча вдохновлял.

– Я тоже вспомнил пару моментов, – бодрым голосом начал самый молодой участник банды.

Он сидел по другую руку от шефа – белобрысый с мелкой красноватой сыпью возле кадыка, в клетчатой рубашке с пачкой сигарет в нагрудном кармане. Трудно сказать, чем именно он соответствовал своей кличке Вирус, но прилипла она прочнее имени.

– Тогда вперед, – кивнул Плащ.

– Позавчера обедал в «Елках-палках» на Тверской. Подсел ко мне один странный тип. И так и сяк пробовал завести разговор. Я решил, он гомик – последнее время в Москве повсюду на них натыкаешься. Теперь уже сомневаюсь. Вдруг выведать хотел что-то?

– А чем ты с ним сокровенным поделился?

– Просто отшил по-хорошему, чтобы аппетит не портил.

– Где тогда ошибка?

– Не рассказал никому. Значения не придавал. Может, они с разных сторон к нам подбирались.

Плащ кивнул, демонстрируя свое удовлетворение ответом. Тут же поспешно вступил третий его подчиненный. Рассказал, что в воскресенье его сотовый ловил больше помех, чем обычно.

– Потом опять ничего, а в воскресенье – полное дерьмо. Я уже хотел звонить провайдеру и на шишку там всех натянуть: за что я бабки плачу. В понедельник все опять наладилось. Теперь я думаю: не пытались ли словить сигнал?

– Лишнее сболтнул? – прищурился Плащ.

– Ни слова.

Признания продолжались. Четвертый, пятый и шестой члены банды вспомнили «ошибки» такого же порядка. Когда все закончили, главарь еще раз обвел всех взглядом и задержал его на Узбеке, который выступил третьим.

К узбекам этот человек не имел никакого отношения – всего-навсего родился в Ташкенте и жил там до семи лет, пока отца-офицера не перевели в другой город. Ширококостный, со здоровенными ручищами, внешне он был похож на борца. Реденькие усики еще больше подчеркивали телесные размеры и мощь.

Очень скоро всем стало ясно, что именно к Узбеку у шефа есть дополнительные вопросы. Плащ смотрел не мигая, в упор.

– Про мобилу все выдумал. Теперь рассказывай, где ты на самом деле напортачил. Быстро. Это твой последний шанс.

Редкоусый «борец» несколько раз открыл и закрыл рот, как выброшенная на берег рыба.

– Клянусь Богом, Плащ...

Но тот только покачал головой.

– Ну, был еще случай, – выдавил из себя Узбек.

Всем остальным захотелось бежать без оглядки. Страшно было даже дышать с ним одним воздухом, как будто, открывая рот, Узбек заражал его своей обреченностью.

Плащ по-прежнему молчал, но это пугало больше, чем яростный крик.

– Взял с утра кофе на улице, проглотил по-быстрому. Бодрости ни на грамм не прибавилось. Наоборот, еще больше спать захотелось, прямо ноги не идут. Шел я как раз мимо сквера, что возле нас. Дай, думаю, присяду минут на пять на скамейку – покурю, очухаюсь. Очухался только через два часа.

– В другом месте, – пронизательно предположил Плащ.

- Нет, на скамейке... На той же самой или на соседней.

- Приснилось, будто с кем-то разговариваешь?

Узбек беззвучно открыл и закрыл рот и только потом обалдело кивнул:

- Точно.

- Приметы не запомнил?

- Нет.

Резко выхватив пистолет, Плащ выбросил руку вперед и нажал спусковой крючок. Пуля, посланная метров с трех, ударила в лоб с такой силой, что не только голова – все туловище выше пояса откинулось назад. Массы его хватило, чтобы опрокинуть стул.

Спрятав пистолет, Плащ мрачно оглядел подчиненных.

- Чего ждете? Наверное, надо порядок здесь навести.

Глава пятая

Всем стало ясно, что наказание совершилось, для остальных дело ограничится строгим предупреждением. Особый дух братства не скреплял членов банды, но Узбека все знали с давних пор. Вместе с ним ушла часть прошлого. А прошлого всегда жаль, каким бы оно ни было, ведь ты был моложе, чем в настоящем.

Двое остались смывать кровь со стула и пола. Трое, в том числе Вирус и Сыч, вывезли тело, чтобы похоронить.

«Заседание» происходило на постоянной базе «команды» – в Ржавках, на границе Зеленоградского округа. В свое время Плащ выкупил у развалившегося ремонтного управления несколько утепленных ангаров и одноэтажный склад. С

тех пор никто, кроме членов банды, не имел доступа за охраняемые овчарками ворота.

С вывозом трупа никаких проблем не должно было возникнуть. Грунтовая дорога вела через поле в сторону противоположную Ленинградскому шоссе. Стоило проехать по ней всего три с небольшим километра, чтобы оказаться на опушке леса. Но хоронить убитого так близко от «базы», конечно, не стоило. Водитель по прозвищу Брателло погнал машину гораздо дальше, благо патрулей и досмотра на этой «трассе» не бывало отродясь.

- Дела-а, - на длинном выдохе протянул Сыч.

- Теряем людей, - сокрушенно заметил Брателло, который тоже присутствовал при недавнем неличеприятном разговоре.

- Столько лет вместе.

- Сразу надо было колоться, - зажав одну ноздрю пальцем, Вирус сморкнулся в приоткрытое окно. - Может, Плащ и простил бы.

- Может... Считай, орел или решка.

- По-любому он виноват, - с максимализмом, свойственным молодости, заявил Вирус.

- Сколько ты знал Узбека? Год до тюрьмы и год после, как он вышел? А мы с Брателло четыре года с ним бок о бок прожили. Ничего плохого не могу сказать. Каждого могли так прикупить.

- А как бы ты заговорил, если б нас всех по его наводке повязали? А ведь могли бы запросто, если б не кто-нибудь, а менты ему язык развязали. Я бы с первого глотка почуял, что кофе подгадили. А он привык, блин, залпом опрокидывать.

Брателло не согласился:

- Ни хрена бы ты не просек. Сейчас такие грамотные добавки есть, вообще вкуса не меняют.

– Кому ж это так приспичило выйти на шефа? – спросил Сыч, не рассчитывая получить ответ.

– Как подумаешь... Узбек про все мог разболтать: про базу, про номера машин, про оружие. Как теперь Плащ решит: бросать насиженное место, все перетасовывать?

Наконец они остановились, спрятали машину в кустах. Брателло остался за рулем, двое пассажиров достали лопаты и углубились в заросли. Минут через сорок яма была готова, оба вернулись к машине, тяжело дыша после ударного труда. Внимательно оглядевшись по сторонам, вытащили из багажника мертвое тело. К яме потащили уже все втроем.

Узбек и живой весил порядочно, а теперь и вовсе стал неподъемный. Пришлось встать, опустить на землю еще не остывший труп и передохнуть несколько секунд.

Хлопнув крыльями, снялась с ветки невидимая ворона. Могильщики вздрогнули и выругались – Вирус громко, Брателло сквозь зубы, Сыч про себя. Перелетев на новое место, ворона принялась каркать. Вирус хотел ее прогнать, но ворона ничего не боялась.

– Оставь, хрен с ней. Надо уже закругляться.

Труп бросили в яму, быстро закидали землей.

Много времени ушло на то, чтобы замаскировать заметное на поверхности свежее пятно могилы кусками срезанного на другом месте мха. Отложили лопаты, постояли молча. Теперь можно было возвращаться.

* * *

Плащ не стал скрывать, как именно он просчитал виновного.

– Дерьмо всегда посередке плавает. Узбек знал за собой вину, он боялся больше вашего. Он бы никогда не решился взять слово ни первым, ни вторым, но и в

хвосте остаться он тоже боялся. Я ждал, кто выступит третьим. Что бы этот третий ни сказал, его надо было дожать.

Подчиненные Плаща были потрясены. А если б кто-то из них поспешил и случайно опередил Узбека? Или, наоборот, промедлил бы, и Узбек решился вклиниться в паузу? Неужели поведение «паршивой овцы» можно заранее так точно просчитать?

Авторитет шефа и так был непререкаем. А теперь поднялся на недостижимую высоту.

– Этот тип, который на меня вышел... Я принял от него заказ, – сообщил Плащ.

«А если подстава?» – читалось в глазах подчиненных, которые не могли вслух усомниться в правильности принятого решения.

– Если б они что-то против нас имели, они бы не пошли таким кружным и долгим путем. Конечно, они хотят нас использовать. Но это закон жизни: на каждом шагу кто-то кого-то использует добровольно или принудительно. Мы не против предоставить свои услуги, пока нам это выгодно.

Народ закивал, и Плащ продолжил:

– Я не стал спрашивать Узбека, как могли на него выйти, как установили его связь со мной. Этого он не понял, это случилось незаметно для него. Делайте вывод: надо держать ушки на макушке.

– Может, нас и теперь пасут? – предположил человек лет тридцати с причесанными на пробор волосами. – Чисто сейчас.

– Не исключено, господин Поручик. Мы это будем иметь в виду. Но дергаться пока рановато. Пусть наши заказчики думают, что владеют ситуацией.

– А что за дело? – осторожно осведомились у Плаща.

– Вот, – он выложил на стол цветную семейную фотографию.

– Можно? – спросил Вирус, прежде чем взять ее в руки.

– Сами смогли бы все повернуть, только хотят в стороне остаться, – вытаращенные глаза Сыча глядели на снимок без всякого выражения.

Вирус взглянул на обратную сторону фотографии и присвистнул:

– Ого. Неужто отвалят? В прошлый раз в три раза меньше никак не могли выдоить.

– Знаешь, кто это?

– Я знаю, – сказал Поручик, заглянув через плечо товарища. – Абросимов, хозяин «Сибстали».

* * *

В течение недели перемещения «объекта» по городу внимательно отслеживались. Как всегда в таких случаях, составляли «распорядок дня». Брать нужно было Никиту Абросимова, но на фотографии был не он один – значит, неплохо бы в придачу к олигарху прихватить и членов его семьи.

Плащ не нуждался в подсказках, он и сам знал, что лучше – два заложника или один, три или два. Каждый лишний заложник осложняет шансы на успех силового освобождения. Пленника-одиночку еще можно вытянуть из заварухи живым. Но кого-то из троих похитители обязательно успеют отправить на небеса.

Зато с тремя много возни. Внутри компании заложников в условиях неволи могут возникнуть серьезные проблемы. Кроме того, троих сложнее взять зараз.

Абросимов с женой и дочерью в заложниках – это было бы замечательно. Но за целую неделю они никуда не отправились вместе. Об этом Плащ узнал, распределив задания между своими людьми, – на чужую информацию он полагаться не хотел.

У каждого в семье был свой ритм жизни. У Абросимова львиную долю времени забирало управление огромной империей «Сибстали». За неделю не удалось зафиксировать ни одной его встречи, которую можно было бы назвать стопроцентно личной, не имеющей отношения к бизнесу. Складывалось впечатление, что у Никиты Анатольевича даже нет любовницы.

Правда, он каждый день по часу плавал в бассейне, но даже это вряд ли было увлечением. Вероятно, он и о собственном здоровье заботился ради дела, стараясь сохранять работоспособность с утра до позднего вечера.

Время его жены тоже было расписано. Она неустанно заботилась об огромной империи под названием «собственное Я». Наблюдатели сопровождали ее к стоматологу (она отбеливала зубы), в косметический кабинет, на выставки современной скульптуры – одну официальную, в Манеже, и две неформальные, в полуподвальных помещениях. Она ездила на занятия по ландшафтному дизайну, чтобы применить потом свои знания на обширном загородном участке.

Из всех троих членов семьи она больше времени проводила дома, поскольку нуждалась в дневном сне с двух до пяти часов и любила посидеть у телевизора. Проникнуть внутрь элитной жилой пятнадцатизэтажки на набережной Москвы-реки было непросто, и Плащ не видел в этом нужды. Чтобы иметь приблизительное представление об образе жизни обитателей квартиры, достаточно было дежурства Вируса с биноклем на крыше одного из соседних зданий.

Если отец семейства по крайней мере ночевал дома, то дочь Даша делала это через раз. С помощью отца она восстановилась в институте, откуда ее отчислили из-за прогулов, но продолжала самозабвенно сачковать. В общежитии она проводила больше времени, чем на занятиях, – ей как будто нравились тесные, прокуренные насквозь комнатухи, где царил студенческий беспорядок. Еще она посещала концерты, где длинноволосых музыкантов-рокеров «колбасило» на сцене почище, чем зрителей в зале. Тусовалась с молодняком в черных майках, недовольным существующим «буржуазным» строем.

У другого при таком раскладе могло бы возникнуть искушение ограничиться захватом одного Абросимова. Или пойти по пути наименьшего сопротивления и выкрасть одну только дочь. Но Плащ не имел привычки спешить. С помощью своих людей, которые ежедневно вели наблюдение, он заочно изучал будущих пленников. Плащ поступал так всегда. Ему важно было составить

психологический портрет человека, чтобы предвидеть его поведение во время захвата и после, в период вынужденного сидения взаперти.

Чего ожидать: упадка духа, молчаливого отчаяния или, наоборот, приступов истерики, лихорадочных поисков малейшей возможности для бегства? Как лучше обращаться с пленником или пленницей: либерально или жестко, запугивать или успокаивать?

Обычно Плащ старался собрать сведения и о тех, с кем сразу после похищения придется начинать переговоры. Обратятся они в милицию или постараются исключить малейший риск?

В случае похищения жены или дочери бизнесмена еще можно рассчитывать на любовную договоренность в обход правоохранительных органов. Но похищение такой масштабной фигуры, как хозяин «Сибстали», не удастся утаить, факт в любом случае станет известен милиции.

Варианты тем не менее возможны. Какова будет степень сотрудничества с ментами тех, кто временно возьмет на себя бразды правления фирмой? Станут ли они информировать о каждой детали переговоров с похитителями или о чем-то промолчат? Будут ли готовы пожертвовать всем ради спасения пленников или каждый лишний «лимон» будет значить для них слишком много?

К концу недели Плащ пришел к выводу, что в отсутствие Никиты Абросимова управление возьмет в свои руки младший брат. Но это были лишь догадки, хотя и основанные на здравом смысле и жизненном опыте. А это слишком ненадежная вещь, когда речь идет о внезапном кризисе в огромной корпорации с головным офисом в непосредственной близости от заповедного Садового кольца.

Глава шестая

Казалось, задача перед Никитой Анатольевичем стоит простая. Убедительно попросить в объектив камеры, чтобы требования похитителей исполнили. Сказать, что люди они серьезные, долго ждать не будут.

Но внутренний голос все время искушал передать хоть малую толику от себя, между строк. Другой возможности может и не представиться.

Что именно передать? Он не имеет ни малейшего представления, где их держат. Шум транспорта с улицы не слышен, но вывод, что их держат за городом, был бы слишком скоропалительным. Можно поставить двойные окна, уплотнив их звукоизолирующими прокладками.

Сколько их везли с завязанными глазами после пересадки из «ауди»? Полчаса или все полтора? Потрясение было слишком сильным, и чувство времени отказало. Он ничего не сможет передать на волю.

Нужно срочно извлечь из всех недавних перипетий хоть пару крупинок полезной информации. Сколько в здании этажей? Когда оно построено? В строительстве он не великий спец, но ясно, что не раньше конца семидесятых.

Все, больше он ничего пока не выжмет из того крохотного закутка, в который обратился мир, вчера еще доступный во всей полноте. В течение суток он, Никита Абросимов, мог оказаться в любой точке планеты – на самом отдаленном из сибирских заводов или в Сиднее, Лондоне, Нью-Йорке. Мог уступить уговорам брата Андрея, бросить на недельку дела и отправиться в тропическую Африку на сафари, мог встретиться где-нибудь в пятизвездочном «Хилтоне» с главой совета директоров «Банка реконструкции и развития», вести переговоры, глядя на заросли светящихся небоскребов.

Все возможности, вчера еще сами собой разумеющиеся, теперь казались странным сном, одним из тех, когда за ночь проживаешь полжизни. Захват в заложники – финальный эпизод этого непомерно растянутого сна. Мешка на голове нет, просто он продолжает спать. Вот-вот проснется обычным советским кандидатом наук в своей спальне в панельном доме. Увидит при свете ночника, как Ольга держит дочку на руках и кормит ее грудью.

– Четверть часа ни мычишь ни телишься. Хватит уже. Сочинил или нет, складывай ручонки и проси помощи.

Этот голос звучал гораздо грубее предыдущего.

– А как мешок? По-вашему, одного голоса хватит?

– Сейчас организуем.

Подойдя сзади, преступник снял мешок с абросимовской головы, бросил его на пол и завязал глаза олигарху плотным темным платком.

– Давай рожай уже.

Голос звучал молодо, и Никита Анатольевич снова ощутил прилив животного страха. В свои сорок пять он не считал себя стариком – не катил бочки на «современную молодежь» и не стеснял свободы собственной дочери. Но сейчас он понял, что внутренне давно уже пасует перед новым поколением.

Бандитов постарше он еще мог понять, мог попробовать предсказать их реакцию, их действия. Но молодежь казалась ему особым племенем. Оно жило своей жизнью в каменных джунглях огромного мегаполиса. Говорило на языке отдаленно похожем на русский, но внутри было устроено совсем по-иному.

Даже физиологические реакции молодых людей казались другими. Никита Анатольевич замечал, что они не щурятся от вспышек яркого света, не мерзнут с непокрытой головой и расстегнутым воротом на морозном ветру.

От невидимого молодого человека он ожидал чего угодно. Еще секунда промедления, и этот парень начнет бить его головой о стену, пока череп не треснет и мозги не потекут из ушей. Или разглядит в человеке с завязанными глазами что-нибудь смешное, заржет как жеребец и угостит сигаретой, сунув ее в рот пленнику своими пальцами, наверняка длинными, ломкими и грязными.

– Уже все, я готов, – поспешил Никита Анатольевич.

– Добро, снимаю.

Пленник едва уловил, как включилась камера. Не станет он ничего передавать между строк: риска много, причем совершенно неоправданного. Скажет, что требуется, и все. Поскорей бы убрали его подальше от этого парня с камерой.

Пока же «оператор», наоборот, приблизился на пару шагов. Стали слышны равномерные щелчки. Абросимов-старший не сразу понял, что это за звук, – так

долго и равномерно можно жевать только жвачку.

Этот звук мешал сосредоточиться. Никита Анатольевич не мог начать, хотя понимал, что испытывает терпение «оператора».

- Ну... Долго ты будешь мне глазки через повязку строить?

- Сейчас-сейчас... Обращаюсь к тому, в чьи руки попадет эта кассета...

Помимо воли интонация получилась жалостливая, как будто он милостыню собирался выпрашивать: «Сами мы не местные... Помогите, кто чем сможет... Дай вам Бог здоровья...»

- Я - Никита Анатольевич Абросимов. Со мной вместе захвачены моя жена Ольга и дочь Даша.

- Теперь дубль два, потому что я камеру отключил. Врубаю...

- Я - Никита Анатольевич Абросимов, - повторил пленник. - Со мной вместе захвачены моя жена Ольга и дочь Даша. Прошу тех, от кого зависит наше спасение, остановить поиски, не предпринимать попыток освобождения. Прошу своего брата Андрея принять условия похитителей и выплатить выкуп.

«Господи, что еще сказать?» - подумал он.

- С нами обращаются нормально.

Абросимов-старший замолчал, ожидая одобрения или критики. Он готов был дополнить свое обращение, готов был произнести его заново. Но в помещении было тихо. Наконец он сообразил, что парень с видеокамерой уже ушел.

* * *

Чтобы выйти на след преступников, нужно было разобраться, кто они такие - криминальная банда или люди, которых собрали вместе ради одного дела. Слепой получил возможность поработать с копиями нераскрытых дел о

похищении людей в Центральной России.

Всего двенадцать за последние три года. В двух случаях заложники пропали без вести, в трех милиция обнаружила трупы со смертельными пулевыми ранениями в затылочной части. В остальных родственникам удалось выкупить заложников втайне от следствия.

С людей, побывавших в руках бандитов, снимали подробные показания. Это не помогло изловить похитителей по горячим следам, но для Глеба сведения были очень интересны.

Кого-то держали в подвале, кого-то в загородном доме прикованным наручниками к батарее отопления, кого-то спустили на веревке в выработанную шахту. С некоторыми обращались очень жестоко, другие испытывали минимум неудобств.

Один заложник толком не видел и не слышал похитителей. Его пинками загнали на неделю в какую-то темную нору, потом пинками вытолкали из нее. Другой успел поговорить с преступниками обо всем на свете: о политике, о бабах, о смысле жизни.

Сиверова особенно интересовали видеоматериалы. Кассет с посланиями на волю было всего две. Обе были сняты одинаково безыскусно. Кто-то просто направлял камеру на перепуганного, подавленного случившимся человека и бесстрастно фиксировал его просьбу заплатить выкуп.

На самом деле эти несколько минут несли в себе достаточно информации. Какая камера использовалась. Какого роста человек вел съемку. Насколько близко он привык становиться к «объекту».

Кому-то может показаться, что бандит с видеокамерой в первом случае встанет близко, во втором – через полгода – далеко. На самом деле это как почерк, манера держать сигарету и многое другое. Один и тот же человек (тем более если он не оператор по профессии) подсознательно выбирает одинаковое расстояние.

Но ведь видеосъемкой в банде могут заниматься разные люди? Маловероятно. В криминальном мире принято четкое разделение обязанностей.

Две кассеты давали слишком мало материала. Разница между ними бросалась в глаза, хотя «кино» с заложником в обоих случаях длилось меньше пяти минут. Сиверов хотел, не теряя времени, просмотреть и другие «ролики». В свое время кассеты должны были подкинуть по адресу – близким и родным. Ознакомившись с делами, Глеб знал, к кому обращаться.

В течение дня он мотался по Москве. Пытался установить контакт с людьми на работе и дома. Кому-то звонил, кого-то дожидался в приемной. Объяснял, что давний материал может помочь раскрыть очередное преступление. Пытался пробудить в бывшем заложнике сочувствие к товарищу по несчастью. Пробовал заставить родственников и компаньонов, когда-то мучимых неизвестностью, сопереживать незнакомым людям, которые теперь точно так же не спят ночами.

Но никто не хотел ворошить прошлое. Одни отвечали, что давно уже уничтожили кассету, чтобы навсегда забыть о кошмаре. Другие вообще отказывались от разговора.

Глеб не настаивал. Он заранее знал, что кассет осталось немного. Зачем, в самом деле, беречь и хранить такую вещь – для воспоминаний, для семейного архива? На пленке – унижение, страх, огромный денежный ущерб. Но даже не это главное.

Тот, кто заплатил выкуп, боится нового расследования – сколько именно было уплачено, откуда взялась такая баснословная сумма наличными? Не так давно этому не придавали такого значения, как теперь, во времена повсеместного укрепления финансовой и прочей дисциплины.

Только раз Глебу повезло. С ним говорили, даже не спрашивая, кто он и откуда. Василий Смелянский, известный продюсер, не собирался забывать, как его жену три дня держали в крошечной темноте и насиловали. Она даже не могла точно сказать, сколько там было человек.

– Еще немного – и она бы повредилась рассудком, – жестким, как наждак, голосом сообщил Смелянский, предлагая Глебу выпить. – Удивляетесь, что я об этом так легко рассказываю незнакомому человеку? Именно потому и рассказываю. Вы человек другого круга и никогда, извините за откровенность, не войдете в мой.

– Не за что извиняться. Наоборот, спасибо за прямоту.

– Я дал себе слово найти этих людей. Вот уже два года оплачиваю поиски, обещаю хорошую премию. Срок истекает осенью. Если результата не будет, обращусь к другим.

– Вас могут обмануть, – заметил Сиверов, делая глоток.

– Знаю. Я сразу сказал, что трупы мне не нужны. Они нужны мне живьем. Вместе с доказательствами их вины. Я этих тварей скормлю своему лучшему другу.

Похлопал по загривку огромного черного дога:

– Правда, Филя?

Пес никак не прореагировал, но хозяин, явно уже не в первый раз, истолковал молчание как знак согласия. Глядя на собеседника, Сиверов тоже воспринял сказанное всерьез.

– Не стоит приучать вашего друга к человеческому мясу.

– Потом придется пристрелить, чтобы на других не кидался, – спокойно заметил Смелянский.

– Так вы позволите посмотреть кассету? Понимаю, для вас не просто...

– Сейчас вместе посмотрим.

Отперев ключом один из выдвижных ящиков, Смелянский достал кассету без упаковки и кивком пригласил гостя следовать за ним.

Глеб не ожидал, что его пригласят в домашний кинотеатр, что хозяин вставит кассету в магнитофон, держа в другой руке бокал с вермутом. Казалось, Смелянский собирается демонстрировать актерские пробы или любительские съемки своего отпуска на экзотических островах. Попутно он перешел на «ты»:

– Есть и вторая причина моей откровенности. Объясню. Я ведь не киношник, я бизнесмен. В киношных тонкостях я мало смыслю, но у меня чутье на лица. Если я вкладываю деньги в сериал, я сам утверждаю всех актеров. Чувствую человека с первого взгляда. Чего он стоит, какая у него энергетика, понравится ли он народу? Чувствую не только актеров, вообще людей. Ты человек достойный во всех отношениях. Если б ты сыграл главного героя в моем последнем сериале, он бы схавал всех по рейтингу.

– Я не актер.

– Потому и не предлагаю. Ты не актер, ты по жизни такой. На тебя можно положиться. Если б там, на кассете, мою жену пускали по кругу, я б и это тебе показал. Потому что толк будет. Если ты заинтересуешься этими ублюдками, я думаю, ты до них доберешься.

– Еще не знаю, эти ублюдки меня интересуют или другие. Я не вольный художник, частных заказов не беру.

Тонкие губы продюсера растянулись в улыбке. На нем была рубашка на выпуск ярких веселых тонов, какие носят курортники. Но ни рубашка, ни улыбка не могли ввести в заблуждение – человек этот ни на минуту не забывал о мести. И готов был мстить изощренно, жестоко.

– Сейчас у меня на оплате люди опытные. Но если б я увидел тебя два года назад, я бы попробовал тебя уломать.

Погасив свет, он вооружился пультом. Немного перемотал кассету, потом запустил. После минуты «снега» на экране возникло лицо молодой женщины с растрепанными волосами, снятое в темноте с помощью объектива ночного видения.

Она долго всхлипывала, не могла произнести ничего и наконец взмолилась:

– Васенька, милый, заberi меня отсюда.

Изображение погасло. Даже Сиверову, видевшему женщину в первый раз, стало не по себе. Он не думал, что Смелянский сразу зажжет свет в комнате. Но

хозяин квартиры поступил именно так. На лице сохранилось прежнее выражение, даже улыбка еще не окончательно сползла – след ее остался на тонких губах. Глеб удивился самообладанию этого человека. И еще заподозрил, что Смелянский просматривает минутное видео как минимум триста шестьдесят пять раз в году.

– Почему они не подбрасывают кассету сразу, в первый же день? – рассуждал продюсер таким тоном, будто речь шла об очередном сериале. – Я бы привез деньги без вопросов. Или в первые два дня по их расчетам я еще не должен был дойти до нужной кондиции?

– Они не вникли в степень вашей привязанности.

– Зачем им в это вникать? Хочешь еще раз взглянуть?

– Нет, спасибо. Буду рад, если у нас с вами окажутся общие враги.

– Не забывай, мне нужны живые. Если ты их убьешь, сам станешь моим врагом.

– Ничего не обещаю. Но буду иметь в виду.

Глава седьмая

Кассету с видеозаписью обращения Абросимова-старшего передал в головной офис «Сибстали» обычный московский таксист. На большом конверте из плотной бумаги стояли крупные печатные буквы, выведенные лиловым маркером: «Андрею Абросимову лично в руки».

– Вышел купить сигарет, машину закрыл как положено. Возвращаюсь – это дерьмо на сиденье. И еще такая сопроводилка.

На листе бумаги тем же маркером было небрежно намалевано: «Ты на контроле. Вези прямо сейчас».

Скрытая угроза всегда устрашает больше, чем явная.

Таксист, конечно, не стал искать Абросимова. Едва переступив порог офиса, обратился сразу в службу безопасности.

– Не знаю, что там, может, взрывное устройство, – произнес он едва слышно, будто громкий звук мог спровоцировать взрыв.

Конверт прощупали, потом аккуратно вскрыли. Там была именно кассета, а не муляж. Ее передали по назначению, и несчастный водитель скоро был затребован в кабинет на третьем этаже. Абросимов-младший выслушал его, не говоря ни слова. Потом вызвал к себе Девятаева.

– Поедешь с ним. Пусть точно покажет, где стояла машина. Опросить всех, кто мог видеть, как подкинули конверт. В первую очередь жильцов ближайшего дома. Пока не найдете свидетеля, таксиста не отпускайте.

– Ясно.

– Возьмешь с собой Крупенина.

– Он сейчас...

– Неважно, где он сейчас, хоть на Северном полюсе. Крупенина держать при себе, обучать, посвящать во все тонкости. Парень он перспективный, будем выдвигать.

Девятаеву стало ясно, что вопрос обсуждению не подлежит.

– Разрешите идти? – осведомился он, демонстрируя привычку служивого человека.

Андрей Абросимов кивнул и перевел взгляд на кассету – он уже ее посмотрел. Дверь за начальником службы безопасности давно захлопнулась, а Абросимов-младший все не мог отвести от кассеты глаз.

Этот предмет побывал в руках похитителей. Он воплощал собой их существование, их замысел, их волю выжать из ситуации максимум. И в то же время он хранил внутри единственное на данный момент доказательство, что брат жив.

Абросимов-старший выглядел просто ужасно. Лицо казалось почерневшим. Просматривая короткий отрезок второй и третий раз, Андрей понял: всему виной черная повязка. Она меняет лицо: когда глаз нет, оно становится чужим.

– Я – Никита Анатольевич Абросимов. Со мной вместе захвачены моя жена Ольга и дочь Даша. Прошу тех, от кого зависит наше спасение, остановить поиски, не предпринимать попыток освобождения. Прошу своего брата Андрея принять условия похитителей и выплатить выкуп... С нами обращаются нормально.

Видеомагнитофон позволяет дать отдельные фрагменты крупным планом. Но что это даст? Взять крупным планом рот? В движениях губ никакого дополнительного смысла. Углы рта опущены, что подтверждает угнетенность духа. Вот и все.

Пока никаких сюрпризов, события развиваются вполне предсказуемо. Скоро преступники обозначат сумму, назовут срок. Конечно, он, Андрей, согласится заплатить. Если все пройдет гладко, брат и его семья окажутся на свободе. А потом?

Не упрекнет ли Никита: как можно было принимать за чистую монету слова, сказанные в такой ситуации? Он озвучивал требование бандитов, но не свои собственные мысли. Нужно было сделать все возможное и невозможное для поиска. Освобождение было вполне реальным – их никто не минировал, как поступают со своими жертвами чеченские боевики. Никто не держал их денно и нощно под дулом пистолета.

Слова для оправдания, конечно, найдутся. Но все равно останешься виноватым. Еще в детстве Никита был строг к младшему брату, нередко его «воспитывал».

Родные братья часто противоположны по характеру. Никита всегда был цепок, деловит, рационален. Имел врожденный талант руководить людьми, подчинять их своим интересам. Андрей, напротив, никогда не имел четкого жизненного плана, не рвался никем управлять. В ранней молодости он прошел через

множество увлечений. Фотографировал знакомых девушек, стараясь добиться необычной светотени. Самостоятельно учился играть на трубе. Посещал боксерские бои и написал несколько обзоров для спортивного издания.

Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы брат не взял его в администрацию компании, не сделал своим замом. Никита нуждался в доверенном человеке, лояльном на все сто. Надежность в бизнесе жены и друзей преувеличивать не стоит. Своим до конца может быть только тот, кто связан с тобой кровными узами.

Никита ни разу не пожалел, что сделал младшего брата директором по маркетингу. Андрей не влезал в авантюры, проявлял инициативу ровно в той мере, в какой следовало. Бизнес никогда не был его страстью, как фотография или бокс, поэтому в рамках служебной деятельности его не заносило ни вправо, ни влево.

Сам Андрей тоже не жалел, что выбрал именно эту стезю. Он отдавал себе отчет, что не добился бы больших успехов ни в фотографии, ни в спортивной журналистике, не стал бы новым Луи Армстронгом...

Позвонил Девятаев. Сообщил, что они с Крупениным опросили всех, кого могли, – жильцов двух домов, продавщиц в ларьках. Несколько человек вспомнили таксиста и его машину, но ни один из них не видел, как внутрь совался кто-то другой.

– Твои выводы?

– Пятьдесят на пятьдесят. Может, он правду говорит, может, что-то знает.

«Пятьдесят на пятьдесят, – недовольно подумал Андрей. – Тебе платят деньги не ради таких заключений».

Вспоминая перепуганного таксиста, Абросимов-младший склонялся к мысли, что тот не виноват. Но еще отчетливее он чувствовал груз ответственности. Нет за спиной Никиты, чтобы помочь, подсказать, разложить все по полочкам. Никто не компенсирует его, Андрея, природную мягкость. Поэтому надо действовать жестче.

– Тогда продолжай. Сомнений быть не должно. Только без перегибов.

Оба понимали, что это означает. Надавить на таксиста, но при этом не покалечить.

* * *

– Говори! Кого из них ты видел, кто передал кассету?

Водитель такси лежал на спине на цементном полу и тяжело дышал. Крепкий мужик из числа подчиненных Девятаева сидел на нем сверху, сдавливая грудную клетку и вжимал дуло пистолета в глаз.

– Никого... Подкинули... – хрипел таксист.

Диалог продолжался достаточно долго. На один и тот же вопрос допрашиваемый давал все тот же ответ. За происходящим наблюдали двое – Девятаев и Крупенин. Первый раздраженно, второй с отвращением.

Наконец Сергей не выдержал:

– Куда ты ему хочешь дуло впихнуть? Мозги просверлить?

– Думаешь, не получится? – обернулся охранник.

С его лица не сходил злобный оскал. Через секунду он снова обратился к человеку на полу.

– Не тяни! Все равно ведь скажешь.

– Да у него сейчас глаз вытечет! – Сергей невольно сощурил свои собственные ярко-голубые глаза, представляя, как больно водителю.

– Давай тогда сам, – вмешался Девятаев. – У тебя получится по-хорошему.

Другой девятаевский подчиненный решил, что сказано было ради красного словца, и продолжал дознание прежним манером. Но он ошибся.

– Оглох? Или десять раз повторять? Отойди от него, пусть Сергей попробует.

«Ты и раньше, у себя в отделении такими методами показания выбивал?» – хотелось спросить Крупенину. Но он сдержался, довольный своим небольшим успехом. Присев рядом с таксистом на корточки, Сергей заглянул ему в глаза, один из которых был красным от множества лопнувших сосудов.

Мужик не врет, теперь это уже очевидно. Неужели он не сообразил выдумать для отмазки какие-то приметы? Да, подходил к нему такой-то человек – отдал кассеты, пригрозил кишки выпустить, если не доставит по назначению.

– Ты пойми, друг, – стал он мягко увещевать таксиста. – Все равно ведь с тебя не слезут. Скажи, как было на самом деле, назови приметы, и мы оставим тебя в покое.

Человек на полу тяжело дышал и молчал.

– Ведь так? – спросил Сергей у Девятаева – с одной стороны, чтобы заручиться его словом, с другой – чтобы помочь наконец таксисту разобраться в ситуации.

– Конечно. Пускай говорит и катится к чертям, – кивнул Девятаев.

Почти минуту продолжалась пауза. Получив передышку, таксист смог расслышать голос своего инстинкта самосохранения.

– Видел я его... Боялся признаться... Сказал, убьет...

Девятаев обрадовался результату и одновременно огорчился. Он понимал, что Сергей имеет непосредственный доступ к своему покровителю через его, девятаевскую, голову. И не преминет доложить Абросимову-младшему, что методы его оказались бесполезными.

– Какой он из себя? – грубо прервал Девятаев таксиста.

– Меня точно отпустят?

– А что еще с тобой делать? Кому надо с тобой возиться?

– Высокий такой, худой, черноволосый...

Сидя рядом, Крупенин отчетливо различал напряженную работу мысли. Выдумывая приметы, таксист старался запомнить их, чтобы потом ничего не перепутать.

«Не спеши, – мысленно внушал ему Сергей. – Не слишком резво, ты ведь не старался его запомнить. Помолчи, пусть спрашивают».

– Особые приметы давай, – потребовал Девятаев. – Родинки, шрамы.

– Вроде не заметил.

– Глаза?

– Карие. Но сам не смуглый.

– Говорил с акцентом?

– Нет, чисто.

– Коронки были на передних зубах?

– Точно не помню. Нет, кажется.

– Одет был как?

Получив сведения об одежде мифического субъекта, примерном его возрасте и тембре голоса, Девятаев не спешил выполнять свое обещание. Отправился с докладом к Абросимову младшему – ему важно было первым попасть в кабинет. Конечно, новый и. о. директора больше будет доверять своему протеже, но это не значит, что нужно отказаться от борьбы за свой авторитет.

Глава восьмая

Все это время Андрей мучился вопросом: показать ли кассету силовикам? К Оперативно-разыскному бюро он относился с большим уважением, чем к остальной милиции. Но решение принять было непросто. В конце концов он вознамерился использовать кассету как предлог для откровенного разговора с человеком назначенным руководить операцией.

Такой разговор на Руси не может состояться без «огненной воды». Поначалу майор Кольчугин сослался на занятость, пригласил Абросимова-младшего на Лубянку. Тот стал отнекиваться.

– Прошу вас, товарищ майор. Вы ведь собирались навестить к нам в офис, пообщаться с людьми, с работниками нашей службы безопасности. Если нужно, я вышлю машину.

– Это не проблема. А что за срочность?

Абросимову-младшему представлялось, что все сказанное по лубянскому телефону моментально фиксируется на пленку соответствующими отделами. Распространяться о кассете он пока не хотел.

– Я не зря вас беспокою, поверьте.

– Ладно. Считайте, уговорили.

Абросимов-младший сам спустился встретить Кольчугина у входа. Здесь и наткнулся на него Девятаев с последними новостями. Андрей попросил покороче. Но даже в кратком отчете глава службы безопасности «Сибстали» отдал должное новому сотруднику. Лучше самому похвалить Крупенина, чтобы не выглядеть пристрастным и необъективным. Руководство не должно думать, что он боится внутреннего контроля, хочет превратить службу безопасности в отдельную епархию.

– Молодцом, работай дальше, – оставив подчиненного, Андрей направился навстречу уважаемому гостю.

Он был избавлен от необходимости улыбаться человеку в штатском – как-никак несчастье с семьей брата. Но уважение и благодарность за приезд постарался обозначить как можно явственней.

Вскоре они уже расположились тет-а-тет в кабинете под беззвучный аккомпанемент смеси двух запахов – лучшего в мире кофе с добавкой лучшего в мире коньяка.

– Дело слишком серьезное, и я хочу, чтобы мы с вами не тянули в разные стороны.

– Разумно.

Полноватый румяный майор больше походил на содержателя трехзвездочного курортного отеля где-нибудь в Италии. Но бесстрастно-холодный голос не соответствовал жизнерадостной внешности, и этот контраст создавал неприятный, даже пугающий эффект.

– Можно прямой вопрос? Что для вас важнее: найти преступников или освободить заложников?

– На первом месте, конечно, жизнь и здоровье людей. Мы работаем на благо государства. А государство – это прежде всего граждане страны.

Ответ был слишком гладким и правильным, набор стандартных фраз. Дурак удовлетворится, умный поймет, что подобные вопросы неуместны.

Намек Андрей понял, но отступить не собирался. Нужно было нащупать правильный подход к этому офицеру в штатском, который по определению не мог хорошо относиться к породе олигархов.

– Теперь коньячку в чистом виде? По случаю знакомства. Пусть повод у нас не самый радостный, но мы ведь траур надевать не собираемся?

Андрей запрятал подальше нервозность и беспокойство. Силовики должны быть похожи на хирургов, специфика работы заставляет их быть черствыми к чужим несчастьям. Сочувствия можно искать у кого угодно, только не у них.

Он боялся, что гость откажется от выпивки, но майор легко согласился и с видом знатока задержал во рту глоток коньяка.

«Такой не опьянеет, – понял Андрей. – Хоть бутылку оприходует, хоть две. С тем же успехом можно камень коньяком поливать».

Однако выпивка должна была хотя бы содействовать общению.

– Для меня, само собой, важнее всего вытащить всех троих, – сказал Абросимов-младший с таким видом, будто делился сокровенным. – Люди стали слишком жестокими, бескомпромиссными. Подозреваю, эти мерзавцы намерены идти до конца. Они уже доказали, что кровь проливать готовы.

– Поэтому их и надо нейтрализовать.

– Вопрос в том когда. Мы с вами можем найти взаимовыгодный вариант.

– Знаю-знаю. Выкупите родню, а нам предложите вступить в дело потом, когда им ничего не будет угрожать.

– А чем плохо? Момент обмена – отличный шанс сесть им на хвост.

– Если мы будем знать о нем заранее. Но вы ведь не захотите всем рисковать в самый последний миг. Вы постараетесь всеми силами сохранить место и время в тайне и только потом, когда все заложники окажутся в безопасности, подадите сигнал. Но будет уже поздно.

«Глупо отрицать очевидное, – решил Андрей. – Выйти на доверительный уровень можно только тогда, когда точно обозначишь личный интерес».

– Наши с вами цели пересекаются, но, безусловно, не совпадают полностью, – согласился он. – Давайте тем не менее будем союзниками.

– Тогда вопрос союзника к союзнику: кассету получили?

Андрей собирался предварительно наладить взаимопонимание и уже потом, если общий язык удастся найти, показать майору обращение брата. Вопрос в лоб застал его врасплох.

– Буквально пару часов назад, – признался он с неохотой.

– Я так и думал, – произнес Кольчугин тем же глухим и бесстрастным тоном, каким, наверное, хирург требует скальпель, когда операция сложна и нет уверенности в благополучном исходе.

Умолкнув, он тут же снова превратился в румяное жизнерадостное существо – ценителя хорошего коньяка и прочих радостей жизни. Это постоянное противоречие нервировало Андрея: обращаешься к одному человеку, а отвечает тебе другой.

Долив коньяка в опустевшую рюмку, он прогнал видео с братом по новой. Кольчугин ничего не просил, не требовал – упомянув о кассете, Андрей уже не мог ее не показать.

– Ваше мнение? Наверняка вы видели не одну такую пленку.

– По крайней мере похитители не отморозки, не садисты. Такие любят сами появиться в кадре, позаботившись, чтобы их нельзя было опознать. Состояние вашего брата тоже подтверждает, что заложников пока особо не прессуют.

– Разве? По-моему, он выглядит ужасно.

– Видели бы вы других. За пару дней люди теряют человеческий облик.

Андрей внутренне содрогнулся, представив себе заросшего волосами, нечленораздельно мычащего человека. Брата он не мог представить таким.

– Давайте вернемся к нашему союзу. Как видите, я доказал, что не намерен ничего от вас скрывать. Прошу только об одном: дайте нам возможность заплатить выкуп и получить обратно людей.

– Думаете, все будет, как в торговом центре: нагрузил тележку, расплатился в кассе, потом переставил покупки в багажник. Деньги у вас возьмут, но что вы получите взамен – большой вопрос.

– Зачем им меня обманывать – они ведь сами назначают цену. Если их что-то не устроит, можно просто удвоить или утроить сумму.

– Люди остаются людьми, преступники – преступниками. Они назвали свою цену – максимальную, какую вы, по их мнению, в состоянии потянуть. Вы согласились, приближается момент сделки. Думаете, у них не возникнет искушения снять с вас эту сумму дважды?

– Такие случаи бывали? – спросил Андрей, похолодев.

– Да сколько угодно. В данном случае вы овца, они волки, о какой честной сделке тут может идти речь?

– Мы не овцы, у нас есть служба безопасности.

– Ваша служба безопасности себя уже показала во всей красе. Привлекая вооруженных людей, вы в любом случае идете на определенный риск, так имейте дело с настоящими специалистами. А ваша служба, извините, кустарщина. Я уже интересовался послужными списками этих людей. Их потолок – проверять людей на входе в офис.

Андрей почувствовал, что логика гостя постепенно загоняет его в угол. Он чувствовал себя рядом с хищником. Только таким, который питается не овцами, а другими хищниками. Никита, может, и сумел бы разговаривать с майором на равных, а у него, у Андрея, пока нет необходимой внутренней закалки.

Разговор тем не менее закончился на положительной ноте – они договорились поддерживать тесный контакт и ничего друг от друга не скрывать. Андрей вовсе не был уверен, что станет соблюдать это правило. А уж майор – этот наверняка не побежит делиться каждой новостью. Смешно рассчитывать на такое, когда имеешь дело с сотрудником спецслужбы. Единственный реальный итог: кассета приобщена к делу, ему, Андрею, милостиво оставили дубликат.

* * *

- Только что записали обращение, - Никита Анатольевич устало свалился на диван, измотанный так, будто работал на каменоломне.

- Сказал, чтобы договаривались по-хорошему? - спросила жена.

- А как же? - раздраженно ответил Абросимов-старший. - Обратился к Андрею.

- Сумеют они передать кассету?

- Постараются. Не самая, наверное, сложная задача.

- Важно, чтобы она попала напрямую к нему, не оказалась в милиции.

Бизнесмен предполагал, что дело могут передать и Федеральной службе безопасности. Но промолчал - жене необязательно об этом знать, бандитам тоже, если их все-таки слышат.

- Не беспокойся, эти люди постараются.

- Сколько они хотят? - спросила Даша, лежа на втором диване на животе.

- Не сказали.

- Они хоть в курсе итогов «Сибстали» в прошлом году? - Ольга по-прежнему сидела с прямой спиной, чтобы не касаться ею спинки.

- Это мы не стали обсуждать.

- Очень напрасно. Наверное, они думают, что компания имеет прежние прибыли.

- Пускай интересуются, читают отчеты в прессе. Если я сам начну плакаться, мне не поверят.

- Сам не сам... Нужно было сориентировать их.

- Давай я лучше тебя сориентирую, чтобы помолчала.

- Конечно-конечно. Самая актуальная задача на теперешний момент.

- С тобой, как видишь, не получается. А ты требуешь, чтобы я указывал... - Абросимов хотел сказать «целой банде», но вспомнил про чужие уши и закончил обтекаемо: -...таким людям.

- Даша, господи! Неужели обязательно еще и лицом тереться об этот диван? - дочь снова попала в поле зрения матери. - Потом неизвестно что выскочит.

- У меня же выскочит, не у тебя.

- Замечательный ответ.

Никита Анатольевич вдруг отдал себе отчет, что так и не пожалел до сих пор по-настоящему ни жену, ни дочь. Вначале был шок, потом приступ страха, жалость к самому себе, лихорадочная работа мысли. Теперь усталость, раздражение, желание остаться в одиночестве.

С Ольгой отношения сложные, но особых размолвок между ними никогда не было. Дочь он искренне любит. Тогда в чем дело? Неужели он настолько зачерствел в ежедневной борьбе за процветание другого своего детища - огромного и многоликого, не имеющего иного зримого образа, кроме логотипа над входом в головной офис?

Сейчас именно тот момент, когда важно проявить себя мужем, отцом. Где надо - утешить, подбодрить шуткой. Призвать к порядку, разумно разрешить бытовой вопрос.

- Кстати, когда и чем они предполагают нас кормить? - осведомилась жена. - У меня нет ни малейшего аппетита, но это ничего не значит. Если мы здесь еще и голодными будем сидеть, точно передумим друг друга, как пауки в банке.

Абросимов-старший не прочь был бы поесть - он не знал, радоваться этому или нет. Наверное, можно и порадоваться - ведь это знак психологической устойчивости.

– Скоро принесут что-нибудь. Тогда и спрошу, какое они планируют расписание.

– Напомни, что пища должна быть низкокалорийной, с малым содержанием холестерина, – издевательски вставила Даша.

– Тебе не кажется, что стоит быть помягче друг к другу и подобрей.

– Такое уже гоните, слушать тошно. Расписание... Трахать они нас будут по расписанию, вот что! Всех троих!

Ольга подняла и опустила тонкие выщипанные брови. Никита Анатольевич бросил на дочь укоризненный взгляд. «Как можно быть настолько безответственной? – подумал он. – Мы их не слышим, а они нас – наверняка. У нас и так дела не блестящие, так зачем навлекать новые неприятности?»

Глава девятая

Через Федора Филипповича копия кассеты с Никитой Абросимовым попала к Глебу. На первый взгляд в манере съемки не было ничего общего ни с одним из просмотренных за последние сутки материалов. Но с третьего раза Глеб заметил одну очень важную особенность: изображение специфическим образом «плавало».

У многих людей, берущихся за камеру раз в год, руку слегка ведет из стороны в сторону. Но как именно – строго горизонтально или под наклоном, резко или плавно – все это очень индивидуально. Главное – иметь зоркий глаз и внимательно отслеживать мельчайшие движения «картинки».

Возможно, камеру держал тот же самый бандит, который снимал несчастную жену продюсера. Для полной уверенности Сиверову нужно было еще раз просмотреть короткий отрезок, снятый с помощью инфракрасного объектива.

Смелянский дал ему номер своего сотового, и Глеб позвонил не откладывая в долгий ящик. Никто не ответил. Когда Глеб во второй раз набрал номер, трубку

сняла женщина.

- Извините, он никак не может.

- Дело срочное. Напомните ему. Меня зовут Глеб, совсем недавно мы с ним обсуждали очень важные вещи.

- перезвоните завтра, он плохо себя чувствует и заснул.

- Извините, а с кем я разговариваю?

- С его женой.

«Яснее ясного. Как сказать ей, что Василий мне не нужен, мне желательно еще раз глянуть кассету? – подумал Глеб. – Язык не поворачивается».

- Что за важные вещи? По работе? Если это конфиденциально, подъезжайте, оставьте для него записку. Я не имею привычки читать чужое.

- Да нет, наверное, я подожду. Когда он по вашим предположениям проснется?

- Трудно сказать, – ответила она.

- Речь идет о людях, попавших в беду.

- Кажется, я догадываюсь... Я видела у него на столе кассету.

- Правильно догадываетесь, – со вздохом признался Глеб.

- Тогда приезжайте, нет проблем.

...Она, конечно, мало чем напоминала раздавленное существо из темной комнаты. Одета была в дорогое восточное платье из красного шелка с золотым шитьем. Глухой фасон – никакого выреза, лебединая шея прикрыта стоячим, облегающим воротничком, длинные рукава скрывают даже запястья. Волосы – спутанные, растрепанные на кассете – сейчас были зачесаны назад со лба, туго

натянуты и собраны на затылке в узел.

- Здравствуйте, меня зовут Лена.

- Что с мужем? Врача вызывали?

- Ничего особенного, запой.

Глеб не знал, что сказать.

- Такое с ним происходит раз в месяц, когда он требует отчета у своих пинкертонов. Ругается, матерится, не может понять, что они ему голову морочат. Сперва вот-вот, потом опять ничего, пусто.

- Говорил, что намерен от них избавиться.

- Других найдет. Он уже не может без этого – навязчивая идея. Так что вам нужно?

- Лена! Кто там еще? – раздался из глубины квартиры громкий пьяный голос.

На красивом, сильно напудренном лице отразилась досада.

- Надо было тише.

- Лена! – снова потребовал ответа Смелянский.

- Это я по телефону разговариваю.

- А голос?

- В телевизоре.

Телевизор действительно работал, кто-то рассказывал, как правильно готовить пиццу.

– Выключи его на хрен!

Требование тотчас было выполнено. В наступившей тишине Глеб расслышал, как продюсер со стуком захлопнул дверь и заперся в комнате на ключ. Хозяйка кивком предложила Сиверову пройти на кухню и сама отправилась следом.

– Я в самом деле не вовремя.

– Давайте поконкретней и побыстрей.

– Та запись. Мне важно увидеть еще раз.

На лице хозяйки не отразилось никаких эмоций по поводу того, что еще один посторонний человек стал свидетелем ее унижения.

– Сидите здесь, сейчас принесу.

На кухне стояла видеодвойка. Сиверов уже успел отметить, что помимо домашнего кинозала в каждой комнате просторной квартиры имелись телевизор с видеомagniтофоном. Похоже, просмотр нескольких минут старой записи действительно превратился для Смелянского в навязчивую манию.

Передав Глебу кассету, Лена не осталась на кухне. В отличие от мужа она не испытывала желания лишней раз встретаться с прошлым лицом к лицу. Включив режим замедленного воспроизведения, Глеб окончательно убедился – Елену Смелянскую и Никиту Абросимова снимал один и тот же человек.

Как лучше поступить: дождаться хозяйки и вежливо попрощаться или поскорей уйти, чтобы не попасться на глаза пьяному в дымину продюсеру? Сиверов еще не решил, когда его позвали:

– Идите скорей сюда.

Елена наклонилась перед запертой дверью, пытаясь заглянуть в замочную скважину.

– Он упал, я слышала стук. Потерял сознание и упал. С каждым разом все хуже и хуже. И ключ, как назло, оставил, теперь нельзя открыть дверь.

– Открыть-то можно. Разрешите.

Глеб вытолкнул ключ из скважины, и хозяйка открыла дверь своим. Слепому пришлось войти следом за ней, чтобы поднять лежащего на полу Смелянского.

Типичная картина запоя: пустые бутылки на подоконнике, на столе и под столом. Каких здесь только нет: виски, вермут, водка, изготовленная, как водится, по «эксклюзивной технологии с высокой степенью очистки». Еще и банки из-под немецкого пива – целая куча.

Послушав сердце и дыхание Смелянского, Глеб сделал вывод, что угрозы здоровью нет. У человека сработал природный стоп-кран: дальнейшие возлияния были чреваты плохими последствиями, и организм дал отбой.

– Где его кровать?

Глеб взвалил продюсера на спину, уложил и накрыл одеялом. Когда он обернулся, хозяйки рядом не было. Обойдя всю квартиру, он нигде ее не нашел. Решил заглянуть в ванную комнату и обнаружил, что дверь заперта изнутри.

«Вначале муж заперся, теперь жена», – мысленно констатировал Глеб.

– Лена! С вами все в порядке?

Ответа не последовало. Слепой не стал спешить и высаживать дверь, хотя мог это сделать без труда. Возможно, хозяйка просто не хочет сейчас никого видеть, его в том числе. Но проверить надо.

Встав на стул, он заглянул внутрь через оконце. Елена сидела на краю ванны, засучив длинный рукав своего ярко-красного платья в китайском стиле. Вся левая рука от запястья до локтя была покрыта шрамами от порезов.

Елена держала в правой руке большой кухонный нож и собиралась очередной раз причинить себе боль.

Теперь уже Слепой не колебался. Толкнул хлипкую дверь плечом, ступил в просторную ванную, выложенную черно-белой плиткой. Елена отдала нож без сопротивления, и Сиверов понял почему. Остаться здесь он не собирается, смешно даже думать об этом. Едва он исчезнет, как хозяйка получит полную свободу действий.

Глеб заглянул в бар, чтобы налить Лене чего-нибудь крепкого. Человека спокойного выпивка может раскачать, а того, кто уже раскачан сверх меры, спиртное обязательно успокоит.

Смелянский полностью опустошил бар, за выпивкой пришлось идти в «комнату для запоя». Елена, не сопротивляясь, выпила вермут залпом. Потом жестом попросила закурить. Сиверовские сигареты ее не устроили, она молча показала, где взять пачку, и закурила свои.

Оба продолжали молчать. На кухню слабо доносился храп Смелянского – это был единственный звук, нарушающий тишину.

– Долго вы еще намерены у нас гостить? – поинтересовалась Елена, закуривая от первой сигареты вторую.

Горячий пепел падал на яркий шелк, украшенный золотистым узором.

– Прожжете, – предостерег Глеб.

Она пожала плечами. Глядя на нее, он лишний раз убеждался: захват в заложники – начало длинной истории, которая не заканчивается с освобождением.

Что он мог сказать Елене? Что она не должна чувствовать себя виноватой? Она сама это знала лучше его.

– Пусть ваш муж не тратит больше деньги на розыск. Наши цели случайно совпали, я сам скоро выйду на этих товарищей.

– Объяснитесь с ним сами. Только не завтра и не послезавтра – бесполезно. Как проснется, снова начнет.

– Оставлю записку. Дадите прочесть, как только вспомнит буквы. А вы не балуйтесь больше с ножом, там ведь живого места не осталось.

– Есть другая рука. И вообще, простор для деятельности большой, – Елена невозмутимо курила сигарету.

– Не валяйте дурака. Распустил вас Смелянский. Дети есть?

– Вот и нет, не поймать меня на эту удочку. У Смелянского сын от первой жены, в Америке учится на программиста. А меня ничто не связывает – чрезвычайно удобно.

– Я не занимаюсь перевоспитанием взрослых людей. Я не психолог, а хирург. Именно поэтому не люблю баловства с колющими и режущими предметами.

* * *

После того как банда лишилась одного из своих членов, остальные получили от Плаща задание. Вирус наблюдал за тщательно охраняемым домом на набережной Москвы-реки и за окнами квартиры, Сыч – за головным офисом «Сибстали», Поручик – за перемещениями жены олигарха. Дашей занимался Бубен – бывший карточный шулер, взломщик и мошенник. Наконец, Брателло изучал маршруты перемещения по городу абросимовского кортежа – «ауди» и «мазды».

Плащ, как всегда, обдумывал общую стратегию. Ежедневно получая от своих людей свежую информацию, он прояснял для себя общую картину. Стало ясно, что бескровный захват Абросимова совершенно нереален, а вот жену или дочь взять ничего не стоит. Возможно, за них, особенно за Дашу, можно запросить и получить ту самую сумму, которая проставлена на обороте фотографии. Но это будет противоречить целям неизвестных наводчиков, которых представлял худощавый тип в легкой летней куртке на «молнии».

Плащ не привык подчиняться, но не время было сейчас затевать свою игру. Сторона, передавшая фотографию, продемонстрировала свою козырную карту: они все знали о Плаще и всегда могли на него выйти. Важно было выяснить

пределы их информированности, а уже потом делать собственную ставку.

Плащ решил для начала соответствовать чужим ожиданиям. Они хотят, чтобы он похитил самого Абросимова-старшего? Будет сделано. Хотят, чтобы он назвал определенную сумму выкупа? Пожалуйста. Дальше они неминуемо проявят себя, и вот тогда у него появится выбор.

Пока он не видел подходящих вариантов для захвата «святого семейства» в пределах города. У каждого уважающего себя бизнесмена должен быть загородный дом – имелся таковой и у Никиты Анатольевича. Коттедж, как и московский дом, стоял на берегу реки, только набережная здесь не была закована в гранит и асфальт.

По непонятным причинам семья не очень любила бывать в своем «поместье» недалеко от Жуковки. Даже летом навещалась сюда крайне редко. Но если приезжали, то втроем, на все выходные. Плащ решил дожидаться именно такого случая.

Но здесь без подслушивающего устройства не обойтись. Установить его на машину охранников должен был Бубен. Освобожденный от наблюдения за Дашей, он подсел в машину к Брателло, который терпеливо ожидал выезда из служебного гаража «ауди» и «мазды».

Гараж находился в головном двенадцатиэтажном офисе на Звенигородском шоссе. Доступ туда был строго ограничен; напарники уже знали, что контроль осуществляет дежурный, которому известны в лицо все сотрудники с допуском, кроме того, пользовались именными магнитными картами. Можно перехитрить технику, можно обмануть человека, но сделать то и другое одновременно достаточно сложно.

– Говоришь, водила никогда не выходит из машины?

Бубен обдумывал возможность поставить «жучка» не в гараже, а на улице.

– Ни разу не видел. Оба охранника вылезают сопровождать шефа, а он остается сидеть. Один раз шесть часов ждал – газеты в руки не взял, по мобильному ляды не точил.

- Сменщика точно нет?
- Точно. У Абросимова всегда один и тот же водила, и у охраны постоянный.
- Без шефа охрана куда-нибудь выезжает?
- Ни разу не видел. Для поручений есть другие.
- Плохо. Без шефа они были бы спокойней.
- Уже надумал что-нибудь?
- Придется потряхнуть стариной. Талант в землю не зароешь.

Задача перед Бубном стояла не такая простая.

Подслушивающее устройство должно находиться не снаружи, а в салоне – только тогда его установка имеет смысл. Но как проникнуть внутрь машины, которую никогда не оставляют пустой на стоянке?

Через два часа «ауди» и «мазда» отъехали от головного офиса и окунулись в транспортный поток – Никита Анатольевич отправился с визитом в министерство экономического развития. Двое телохранителей вошли вместе с патроном, удостоверившись, что он миновал милицейский пропускной пункт, и вернулись в машину. Это был один из тех случаев, когда они не могли сопровождать шефа по самому зданию.

- Будем надеяться, они погонят обратно тем же маршрутом, – ничего больше не объясняя, Бубен быстро покинул машину со спортивной сумкой в руках.

Через час с небольшим «ауди» и «мазда» отправились той же дорогой. Брателло аккуратно следовал за ними и мог наблюдать, как работает напарник.

Головная машина внезапно и резко затормозила. «Ауди» уткнулась машине охраны в зад. Брателло не мог остановиться, не привлекая к себе внимания, ему оставалось только проследовать дальше вперед.

Проезжая мимо, он увидел сотрудника ГИБДД, который и остановил машины своим жезлом. Бубен всего-навсего надел форму, но его не так просто было узнать. Выражение лица стало совсем другим – недоброжелательным, лениво-начальственным. Глаза удивительным образом выцвели, шея стала короче, а щеки округлились.

Брателло успел различить сквозь затененные стекла возмущение водителя и беспокойство охранника. Второй охранник, сидевший в «ауди» рядом с шефом, тоже, наверное, напрягся.

Бубен ни о чем не просил, но Брателло сам догадался остановиться за углом. Напарник плюхнулся на соседнее сиденье, еще не сняв гаишную шкуру, но физиономия стала прежней, хитровой.

– Можно ваши документы? – спросил он, усаживаясь. – Нет, серьезно, я просто взгляну. Их водила держит в одной обложке для удобства. Когда даешь кому-то документы в такой обложке, учти: при минимальной ловкости рук к ней можно незаметно прилепить пластырь для мозолей.

Бубен показал плоскую прозрачную нашлепку величиной с небольшую монету.

– Прилепляется сюда, с изнанки. Вряд ли его заметят в эту неделю.

– Я и не знал, что теперь «жучки-паучки» уже на жучков не похожи, – трогая с места, Брателло покачал головой.

– Техника на грани фантастики. Обычный гондон можешь натянуть, а он будет транслировать в ЦРУ, как баба под тобой кряхтит.

– Да уж. Информация к размышлению.

– Сейчас включим приемничек и проверим, как наши дела.

Бубен достал небольшое устройство, действительно похожее на небольшой ультракоротковолновой приемник. Было слышно только тихое потрескивание.

– Дистанция слишком велика. Действует в пределах полутора «кэ-мэ», не больше. Гони к офису – авось успеем, не сразу вылезут.

На этот раз Бубен остановил за квартал до двенадцатиэтажного здания с вращающимся логотипом «Сибстали».

В машине находились трое – два охранника и водитель. Очередная миссия сопровождения только что закончилась, и они делились впечатлениями. Главная новость – сотрудник ГИБДД.

– Сказал бы я пару слов этому уроду. Но такой тупорылый – бесполезно слова тратить.

Бубен гордился такой оценкой.

– Правильно. Сунул в зубы документы – без комментариев. Пусть найдет к чему прицепиться, пусть попробует...

Звук был не слишком качественным, глухим, но все слова можно было расслышать.

Через неделю с помощью прослушки «Плащу и компании» стали известны время выезда семьи за город и маршрут.

Глава десятая

Минуту назад Андрей Абросимов узнал от Крупенина, что признание таксиста было выдумкой, продиктованной страхом.

– Ты уверен? Неужели Девятаев настолько глуп и его так легко провести?

– Методы у него фашистские. Человеку ничего не остается – только выкручиваться всеми правдами и неправдами.

Андрей велел отпустить таксиста и задумался о том, как быть с Девятаевым. Сделаешь втык – он сразу поймет, кому этим обязан. Не время сейчас разжигать в службе безопасности вражду. Менять руководство тоже не время. Весь личный состав был набран с девятаевской подачи – эти люди не примут другого начальника...

Размышления Андрея прервали. Секретарша сообщила, что его спрашивает по телефону неизвестная женщина. При этом отказывается себя назвать.

– Давно звонит?

– Уже третий раз.

– Сразу надо было соединить! Неужели трудно сообразить, по какой причине человек иногда хочет остаться инкогнито?

Абросимов-младший решил, что незнакомка пытается передать информацию о брате и его похищенной семье. Но женский голос, наоборот, сам требовал объяснений.

– Я ничего о нем не знаю! В новостях молчат, милиция отфутболивает. Нравится вам или нет, но я с вас не слезу...

– Погодите. Кто вы вообще такая?

– Неважно.

– То есть как неважно? Если вам неважно, тогда мне тем более. Скажу в приемной, чтобы вам сразу давали отбой.

– Я знакомая вашего брата. Достаточно?

– Если вы с ним друзья, значит, мы с вами, как минимум, не враги. И можем поговорить мирно.

Женщина на том конце провода перевела дух. Похоже, она начала усваивать, что требовательностью ничего не добьется.

– Мы с вами виделись где-нибудь?

– Н-нет.

– А вы достаточно хорошо знаете моего брата?

– Более чем.

– Тогда нам надо встретиться. Назовите любое место в пределах города, и я подъеду.

– С какой такой радости нам с вами встречаться?

– Ради Никиты. Возможно, вы знаете что-то важное и сами не подозреваете, насколько это важно.

– Сперва скажите, есть от него известия?

– Нам прислали кассету. Подробности при встрече.

«А если меня тоже заманивают в ловушку? – пришло Андрею в голову. – Нужно взять с собой Крупенина».

– Вы приедете один?

– Еще не решил. В любом случае наш с вами разговор никто не услышит.

– Давайте тогда... Даже не знаю... Встретимся на квартире.

«Квартира не ее», – понял Андрей по интонации, но все равно согласился.

* * *

Операция начиналась с захвата заложника – обычно одного, гораздо реже двух или трех, как теперь. Дальше полагалось выставлять требования и обсуждать условия. Самым ответственным и сложным был обмен. Какие ни придумывай хитрые схемы, как ни разводи в пространстве передачу денег и заложника, оба этих мероприятия дают противнику шанс сесть тебе на хвост или, по крайней мере, взять след.

Странное дело: каждая следующая операция представлялась Плащу все сложнее, проблематичней. Чем больше знаешь и умеешь, тем больше понимаешь, насколько ты далек от совершенства. Сейчас он просто не мог понять, каким чудом при первой попытке он вышел сухим из воды. Тогда они совершили все возможные и невозможные ошибки.

Из теперешнего состава под его началом в то время состояли Сыч и Брателло. Были еще двое: Макс, который на следующий год заснул за рулем и разбился насмерть, и Доллар – этот в полном соответствии со своей кличкой укатил в Америку, умудрившись даже получить статус беженца.

Ошивались они в Нижнем. Именно там присмотрели себе жертву – родного брата местного бизнесмена-азербайджанца, хозяина четырех городских кафе. Рассудили так: родственные чувства у восточных людей сильно развиты, поэтому Назим не покусится. С другой стороны, вряд ли выходец с Кавказа пойдет искать правды и защиты у мусоров. Те для начала потребуют и себе приличные бабки за услуги – в результате Назиму придется заплатить дважды.

...Идея с похищением пришла в голову Плащу после неудачного грабежа на трассе. Улов оказался мизерным – меньше ста баксов. А кроме денег – барахло: магнитола, наручные часы и обручальное кольцо. Забирать тачку смысла не имело – у Плаща не было на примете мастера, который мог бы перебить номера и сделать все необходимое, чтобы «тойоту» трудно было опознать.

Разочарование было настолько сильным, что все дружно впали в депрессию. Доллар облегчил себе душу «комплиментом»:

– Знаешь, Брателло, на кого ты похож с этой магнитолой? На пацана – разбил стекло в машине, спер вещь и толком не знает, что с ней делать.

Брателло ничего не ответил, швырнул магнитолау, разбил вдребезги о толстый ствол березы.

- Без истерик, - предупредил Плащ.

Как главарь, он чувствовал себя ответственным за жалкий результат. Нужно было срочно менять специализацию. Той ночью ему и пришла на ум идея с похищением. И первая кандидатура.

Брат Назима Васиф был завзятым «планохором». Сильных наркотиков не употреблял, но коноплей баловался ежедневно. Назим считал его непутевым и к бизнесу не привлекал. Несколько раз пытался пристроить, но безуспешно. В конце концов махнул рукой и ежемесячно отстегивал деньги на жизнь - без излишеств, но вполне сносно.

Вся банда горячо приняла к сердцу как саму идею, так и конкретную кандидатуру. Депрессию как рукой сняло, каждый лез со своими предложениями: где прихватить азербайджанца, куда спрятать, какую сумму запросить. Плащ не вмешивался в споры. Он вел себя как мудрый руководитель проекта, заинтересованный в том, чтобы каждый чертежник ненадолго почувствовал себя изобретателем вечного двигателя.

Окончательное решение он, конечно, принимал единолично. Ему казалось, он все предусмотрел, но с самого начала все пошло не так.

Васифа они караулили недалеко от дома, где брат купил ему двухкомнатную квартиру. Вечерами непутевый родственник Назима торчал в ближайшем к дому заведении Назима. Время от времени выходил в туалет покурить - брат строго-настрого запретил ему распространять в зале недвусмысленный запах. Насидевшись за стойкой и насмотревшись телевизора, он пешком, с туманными фантазиями в голове возвращался домой.

Считаное число раз он уходил не один. Как назло, именно тем вечером с ним увязалась девчонка в короткой юбочке.

Обязанности Плащ распределил следующим образом: Сыч и Доллар должны были подхватить жертву под белые ручки, Брателло - ждать за рулем, сам он - наблюдать со стороны, из другой машины, чтобы вмешаться в случае

непредвиденного поворота событий. Максус следовало сидеть в дачном домике, выбранном в качестве места временного содержания заложника.

Плащ первым увидел белобрысую девицу рядом с тощим, как Кощей, азербайджанцем. Она явно не ограничится проводами Васифа до дому, а скорее всего останется на ночь. Плащ не мог оперативно дать инструкции – мобильных телефонов у них еще не было.

Что делать? Отложить похищение? Найти способ отшить ее? Или просто оглушить и оставить валяться в подворотне – улицы почти вымерли, никто и не заметит?

Сыч с Долларом выбрали последний вариант. Девчонку прихлопнули сзади по темечку. Айзеру зажали рот, вывернули тонкую руку за спину и поволокли к машине. Там Сыч нокаутировал его ударом в челюсть, сложил втрое и забросил, как и было велено, в багажник.

Обе машины тронулись с места и покатали, соблюдая правила. Важно было поскорей выехать за городскую черту – в городе хватало сотрудников ГАИ, и они могли тормознуть Брателло просто так, от скуки. В случае особой въедливости блюстителей закона Плащ должен был сделать небольшой круг и проскочить на недозволенной скорости через перекресток в поле зрения гаишников, отвлекая внимание на себя.

Проблема возникла другая, совершенно непредвиденная – забарахлила машина Брателло. Пришлось остановиться, открыть капот, и тут выяснилось, что свечей на замену нет. Брателло поколдовал над имеющимися, но это ничего не дало.

Плащ тоже притормозил рядом и лихорадочно думал, как быть. Авторемонтные мастерские и лавки запчастей уже закрыты. Есть, правда, одна точка с круглосуточным, но не слишком богатым выбором всякой мелочовки. Но она совсем в другой стороне.

– Перегружаем ко мне, – Плащ оглянулся по сторонам в поисках укромного места.

Сыч хорошо знал город и показал, куда надо свернуть:

– Света нет, темно, как у негра в жопе.

– Дотянешь? – спросил Плащ у Брателло. – Как-нибудь, через пень-колоду.

Фыркая и дергаясь «шестерка» протащилась сто с небольшим метров. Здесь Васи́фа перекинули из одного багажника в другой.

– Легкий, мать его, – заново удивился Сыч. – Все кишки уже скурил, кожа да кости остались.

Все пересели в машину Плаща, а «шестерку» оставили на месте, заперев и поставив на противоугон. Главарь уступил свое место за рулем Брателло и мрачно поинтересовался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/voronin_andrey/slepoy-vystrely-v-temnote

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)